

Истории надежд от первого лица

Личные размышления о процессе перехода
в регионе операций ЕБРР

Об этой книге и ее составителе

Андрей Курков сам дитя эпохи перехода: родился в Ленинграде (СССР), опубликовал свой первый роман за две недели до развала Советского Союза и живет в Киеве, столице независимой Украины.

Является автором ряда принесших ему успех произведений: романов “Пикник на льду”, “Последняя любовь президента” и “Приятель покойника”. Его работы широко публиковались во всем мире и переведены на 32 языка, в том числе на английский, французский, немецкий, китайский и японский. Помимо 14 романов и множества сценариев, он написал семь книг для детей, в том числе “Приключения пылесосика Гоши”. Андрей Курков был выдвинут в распорядительный комитет Международной Букеровской премии 2009 года, присуждаемой каждые два года за вклад в современную мировую литературу.

ЕБРР поручил А. Куркову составить и издать данную подборку личных размышлений о “переходном периоде” от одной социальной модели к другой в странах операций ЕБРР. Сквозь призму мнений и восприятия пятнадцати известных писателей и эссеистов он сводит воедино разные точки зрения на социальные и экономические перемены, произошедшие в их странах после крушения социалистического строя в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе.

В связи с проведением Ежегодного заседания ЕБРР 2008 года в Киеве Банк охотно публикует этот материал, позволяющий почувствовать колоссальную значимость исторических перемен, произошедших в регионе наших операций. Представленные в нем мнения, безусловно, отражают точку зрения его авторов, а не ЕБРР или акционеров Банка.

Истории надежд от первого лица

Личные размышления о процессе перехода
в регионе операций ЕБРР

Оглавление

Азербайджан	Фариз Исмаилзаде	2
Армения	Степан Григорян и Валерий Погосян	8
Беларусь	Татьяна Монтик	14
Болгария	Марин Бодаков	21
Грузия	Гурам Одишария	26
Казахстан	Адиль Джалилов	39
Киргизская Республика	Арслан Койчиев	45
Молдова	Наталья Мотыль	50
Россия	Андрей Окара	56
Сербия	Михал Рамач	66
Таджикистан	Наргис Зокирова	79
Туркменистан	Мурад Айтаков	84
Узбекистан	Дмитрий Аляев	90
Украина	Андрей Курков	96
Хорватия	Симо Мравич	103

Предисловие

Есть у китайцев поговорка: “Не дай боже жить во времена перемен!” Я ни разу не был в Китае, но мне кажется, что, вопреки собственной поговорке, это огромное государство меняется с невероятной скоростью. С не меньшей скоростью меняется жизнь и в моем регионе.

Человеку тоже свойственно меняться, мечтать и надеяться. Люди всегда мечтали и надеялись на лучшее. Потом сравнивали наступавшую реальность со своими ожиданиями. Иногда радовались, чаще огорчались. Потому что человеческим мечтам и ожиданиям свойственно обгонять любую новую реальность. И тогда мелкие, но важные социальные или политические сдвиги в обществе кажутся ничтожными или незначительными. Но у каждого общества – своя динамика и своя логика развития. Каждое общество отталкивается при реформах, при выборе нового пути от собственной истории и традиции, от собственного социального фундамента независимо от того, когда и насколько хорошо он был построен.

Личный взгляд и личный опыт пятнадцати авторов, чьи эссе собраны в этом сборнике, показывает, с каким пристрастием они следят за происходящим в своих странах, как хотят приблизить ту новую реальность, которая рано или поздно должна построиться, возникнуть в государствах, находящихся в фазе социально-политического перехода.

Не существует науки, посвященной изучению человеческих мечтаний и ожиданий. Наука признает только факты. Однако мало кто задумывается, что в основе любого исторического факта лежит чья-то осуществленная мечта.

Андрей Курков

Азербайджан

Фариз Исмаилзаде – политолог, дипломат,
специалист по геополитическим проблемам
Кавказского региона и СНГ. Пишет для
*Eurasianet.org, Transitions on Line, Jamestown
Daily Monitor and Central Asia-Caucasus Analyst.*

Независимость Азербайджана – от иллюзий к реалиям

На дворе шел март 1991 года. Республика готовилась к внеочередному референдуму, чтобы принять решение: остаться в составе СССР или нет. Дебаты были везде. Люди, воодушевленные национально-патриотическим движением и недовольные политикой Кремля по отношению к Карабахскому конфликту, хотели свободы. Находились и те, кто не верил в будущую независимость.

“Куда нам быть суверенным?” – говорил Намик-муаллим. Седовласый хромой учитель маленькой рабочей школы южного города Ленкорань¹ Намик-муаллим вообще-то по профессии был инженером и всю свою жизнь проработал прорабом на местной стройке. Доход был скромный, и приходилось подзарабатывать преподаванием шахмат в местной школе. Тогда шахматы были на пике популярности из-за последних побед Гарри Каспарова, уроженца Баку.

Молодые шахматисты, пылкие ребята, которые видели независимость только в романтическом свете, готовы были разорвать бедного учителя на куски. Они, позабыв обо всех тонкостях восточного уважения к старшим, спорили с ним во всю мочь. “Нам надо быть свободными от русских. Будем сами управлять своими ресурсами – нефтью, газом, хлопком”.

“Ты не сможешь и дня прожить без помощи Москвы. У тебя нету ни зерна, ни стройматериалов, ни техники,” – не унимался Намик-муаллим.

“Продадим нефть – купим зерно,” – парировал Анар, высокий, худощавый парень. И сразу же добавил фразу, которая показала, что мысли новоявленных патриотов все-таки были мыслями дилетантов: “Если не будет зерна и хлеба, покушаем чуть больше бозбаша² и будем сыты.” Намик-муаллим не был убежден.

Был еще один, немаловажный фактор в этих дебатах – все более разгорающийся Нагорно-Карабахский конфликт. Часть населения надеялась, что присутствие советских военных в зоне конфликта

¹ Город, где, кстати, через несколько месяцев произойдет первая насильственная смена коммунистического правительства в СССР.

² Азербайджанская национальная еда, похожая на мясной суп.

сдерживает армянскую и азербайджанскую стороны от крупномасштабной войны. Другая часть считала именно их причиной неразрешенности и продолжительности противостояния и была уверена, что как только советские солдаты покинут регион, Азербайджан справится с армянскими войсками.

Азербайджан, в конце концов, проголосовал за сохранение СССР. Видимо, все-таки у граждан еще теплились надежды на справедливое решение Карабахской головной боли, надежды на то, что эту проблему решат из Москвы. Возможно, главной причиной этому была и боязнь людей, которые провели восемь десятилетий под теплым крылом России, остаться один на один с большим миром. Поговаривали даже, что референдум был сфабрикован.

Тем не менее, СССР не суждено было долго жить, и к концу года он развалился. Азербайджан во второй раз за свою историю стал независимым. Местные экономисты убеждали население, что скоро все мы будем жить богато. Они доказывали, что у Азербайджана достаточно природных богатств, чтобы все свои дороги покрыть золотом. “Будем вторым Кувейтом”, – убеждали они.

Реалии жизни, однако, оказались другими. Разрушение империи повлекло за собой политический хаос, экономические проблемы, войну и разрыв всех торговых отношений с бывшими собратьями по СССР. Очереди за хлебом были везде. Инфляция сожрала последние сбережения граждан. Более двух миллионов людей покинули страну в поисках работы. Казалось, что учитель Намик-муаллим был прав.

Сплошные разочарования постигли рядовых азербайджанцев не только в сфере экономики. Те демократические ценности, тот самый Запад, на который надеялся простой азербайджанец, не оправдал надежд. Люди, разочарованные коммунизмом и автократией советских лет, наивно полагали, что Запад управляется принципами справедливости и морали.

Они также полагали, что Запад – это сплошной экономический рай.

Каково же было удивление азербайджанцев, когда колыбель и модель так называемой демократии – США – первыми же нанесли удар по этой независимой и едва выживающей стране. В 1992 году Конгресс США под давлением сильного и богатого армянского лобби принял 907-ю поправку к закону “О поддержке свободы”. Данный закон, хоть и предусматривал миллионы долларов помощи бывшим республикам СССР, лишил Азербайджана этой прелести. “Как же так может быть?” – удивлялись и недоумевали азербайджанцы. “Мы подвергнуты оккупации. Часть наших земель захвачена. В стране приток беженцев³, а наказывают нас? Где же справедливость?”

Пройдет некоторое время и народ поймет, что мир все-таки управляется не принципами справедливости, а законами выживания и постоянной борьбы за лучший кусок пирога. И уже совсем скоро и конгрессмен, который голосовал за 907-ю поправку, и представители американских нефтяных корпораций нахлынули в Баку в поисках выгодных контрактов – всех их интересовал свой доход и своя выгода, а не благосостояние азербайджанцев или идеалы справедливости.

Похоже, азербайджанцы постепенно начали понимать, что независимость будет не такой легкой, как казалось, и что надо надеяться только на личные силы. Личных сил было недостаточно, и страна долгое время пребывала на грани развала. Может быть, страна бы и перешла эту грань, если бы не было одного человека, взявшего на себя ответственность за судьбу независимого Азербайджана. Именно он сумел создать стабильность в стране, привлечь иностранные инвестиции в нефтяной сектор в условиях постоянного давления и саботажа со стороны Москвы и укрепить суверенитет республики. Этим человеком был Гейдар Алиев – опытный политик, один из бывших руководителей Советского Союза. Говорили, что он был в шаге от должности генерального секретаря

³ К осени 1993 года количество беженцев и вынужденных переселенцев достигло почти миллиона человек.

исчезнувшей коммунистической империи. Биография Алиева богата и иногда противоречива, но никак нельзя умалять его историческую и решающую роль в развитии страны.

Помнится, летом 1993 года, когда началась гражданская война, и народ возложил надежды на этого опального, но чрезмерно харизматичного политика, одна женщина на базаре кричала “Люди, все будет хорошо. Гейдар Алиев вернулся. Все мы будем жить как сыр в масле”. Слова были искренние, они не носили агитационного характера. Именно такие надежды народ и возлагал на него.

Жизни “в масле”, конечно, не получилось, но основа плавного и долгого пути к экономическому процветанию и возрождению была заложена.

Каковы реалии сегодняшнего Азербайджана? В стране много бедных и безработных, но при этом в компаниях не хватает кадрового потенциала. Люди жалуются на низкий уровень жизни – минимальная пенсия 40 домаров в месяц, но мойка одной машины стоит 6-10 домаров. Азербайджан имеет самую быстро развивающую экономику в мире (35% прироста ВВП в 2007 году), но постепенно превращается в страну контрастов.

Многие родители и представители старшего поколения оказались не у дел. Их дети зарабатывают намного больше их самих. Достаточно знать английский и владеть компьютером, и получение хорошей работы гарантировано.

Полностью меняются отношения в семье. Традиционные семейные связи и родовая иерархия рушатся. Вероятно потому, что молодежь имеет больше возможностей добиться успехов в жизни, чем их предки во времена советской власти.

Многие молодые азербайджанцы за эти годы успели объехать весь мир. Границы открыты, финансовые возможности позволяют. Политические и экономические реалии государства даже требуют этого. Недавно Президент подписал указ о принятии новой государственной программы: по обучению более пяти тысяч молодых людей за рубежом в ближайшие

10 лет. Но многие не ждут государственных программ. Многие ищут свои собственные пути увидеть Запад и получить европейское образование. Студент 3-го курса университета в Баку Бахруз Бабаев всю жизнь мечтал получить образование в Европе. Подавал документы на всевозможные программы обмена и, в конце концов, попал во Францию. Теперь он продолжает образование там.

Но есть и другой Азербайджан. Другая молодежь. Та, которая стремится к Исламу. Та, которую раздражает сегодняшняя мода. Та, которая обеспокоена потерей моральных ценностей. Разочарованная, раздраженная и самое главное – маргинализованная, она тоже стремится что-то изменить. Пытается навязать другим иной уклад жизни. Они распространяют диски и литературу религиозного направления. Да и в мечети сейчас приходит больше людей, чем прежде. Растет угроза радикализма и поляризации общества.

Мамед, хоть и успешно учится на третьем курсе экономического университета, но сейчас больше увлекается религией, чем наукой. Его больше привлекает духовный мир, чем мир земной. Таких молодых ребят тысячи.

Что будет дальше? У правительства свое представление о будущем государства. Президент говорит, что, использовав доходы от нефтяного бизнеса, он создаст благоприятную социальную атмосферу в стране, чтобы больше не было бедности, чтобы у всей молодежи были равные возможности: как для учебы, так и для работы.

Но смогут ли Мамед и Бахруз сосуществовать в одной стране через десять лет? Будут ли они себя чувствовать одинаково комфортно и тепло на своей родине?

На дворе 2008 год, и более 200 миллиардов долларов ожидаемых нефтяных доходов позволили Азербайджану подать заявку на проведение Олимпийских игр в 2016 году. Спустя 16 лет после обретения независимости Азербайджан живет уже в другой эпохе, в других реалиях, в других мечтах и планах...

Армения

Степан Григорян – ученый, политолог, дипломат, председатель правления аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству.

Валерий Погосян – политический и общественный деятель, член Конституционного суда Республики Армения.

Начало XXI века

Хочется начать с нескольких исторических фактов, которые нас, армян, всегда удивляли. Факт первый: в 1184 году был составлен Армянский судебник Мхитара Гоша (кстати, это тот судебник, которым руководствовалась в своей внутренней жизни армянская община во Львове); факт второй: в далекой Индии (в Мадрасе) в 1773 году Шаамиром Шаамиряном была издана книга “Западная тщеславия”. Вторая часть этого труда представляет собой проект целостной Конституции Армении; факт третий: в 1863 году Османская империя официально утвердила “Национальную Конституцию армян”, документ, который должен был регулировать внутренние отношения армянской общины.

В чем уникальность этих фактов и что объединяет эти факты? Дело в том, что такие понятия, как “судебник”, “проект конституции”, “конституция” являются юридическими терминами, которыми обозначаются юридические документы. Причем, подобные документы создают, как правило, государство и государственные органы. Но в указанные годы армянского государства не существовало! Просто видные армянские мыслители ставили перед собой цель, с одной стороны, достичь восстановления государственности, а с другой стороны, способствовать скорейшему укреплению этой самой государственности.

А теперь вернемся в XX век. Начало Карабахского движения в Армении, в феврале 1988 года, ознаменовалось мощным демократическим движением и стремлением к восстановлению независимости.

Еще до получения в 1991 году независимости в Армении начались глубокие социально-политические реформы. Лидеры Карабахского движения (члены Комитета “Карабах”) смогли при поддержке многотысячных митингов своих сторонников провести ключевые изменения в законе “О выборах”, в результате чего уже в середине 1989 года в Армении была ликвидирована монополия Компартии Армении на выдвижение кандидатов в депутаты. Это дало возможность

демократам и представителям неноменклатурной интеллигенции участвовать в выборах.

Началось развитие многопартийной системы, получившей юридическую базу в 1990 году после избрания нового Верховного Совета (Парламента), в котором большинство получили демократические силы. Собственно, тогда и начались системные преобразования в Армении. Были приняты законы о свободе средств массовой информации, о партиях, о деятельности общественных организаций, о приватизации земли и жилья граждан и другие. Верховный Совет Армении инициировал подготовку, написание и принятие в июле 1995 года Конституции Армении.

Казалось, что независимость и суверенность из мечты превратились в действительность. Однако, как оказалось, в жизни все гораздо сложнее, и этой самой независимостью мы еще не знали, как пользоваться, “с чем ее есть”. Армения с 1992 года переживала серьезные трудности, с которыми долгое время не удавалось справиться. Отсутствием света, отопления, воды и элементарных продуктов питания – вот чем запомнились первые годы независимости. В начале 90-х миграция населения Армении достигла угрожающих размеров. Это время оказалось истинным испытанием для армянского народа.

В то время новые лидеры Армении еще не имели заметного управленческого опыта, а представители бывшей партийной номенклатуры, оставшиеся кое-где у власти, часто бойкотировали реформы. На эти проблемы наложились и объективные факторы: разрыв экономических и торговых связей на постсоветском пространстве, приведший к остановке практически всего промышленного комплекса Армении, а также обвал советской денежной системы. А если вспомнить разрушительное Спитакское землетрясение декабря 1988 года и блокаду Армении со стороны Турции и Азербайджана из-за конфликта в Нагорном Карабахе, то станет ясно, насколько была трудна ситуация в стране.

К сожалению, после 1998 года к власти в Армении пришли люди, еще более углубившие и без того сложную, кризисную ситуацию. В экономической области это выразилось в лоббировании ими интересов олигархических групп и расцвету протекционизма, а также активному вовлечению высших чиновников в бизнес. Все это не могло не привести к еще большей социальной поляризации в армянском обществе.

Что же делать в такой ситуации? Надо построить нормальное государство. Но что такое нормальное государство? Это когда государство имеет много танков и очень “вертикальную” вертикаль? Эта тема особенно актуальна для стран Южного Кавказа, где не решены конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии и идет полномасштабная милитаризация. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на многократно выросшие в последние три года военные бюджеты Азербайджана, Армении и Грузии.

Думается, что количество танков в армии не определяет качество государства. Воля сильного вождя, то есть “вертикаль”, тоже не имеет определяющего значения. Значит, остается обратить внимание на “горизонталь”, то есть на человека, на человеческий фактор. И если продолжить эту логику, то получается парадоксальная ситуация: чем меньше вмешивается государство в жизнь людей, тем более свободным становится человек. В результате государство укрепляется, а свободный индивидум оказывается способным на созидание как во имя собственных интересов, так и в целом для всего общества. Кстати, может именно в этом контексте можно найти решение Карабахской проблемы, которая сегодня загнана в тупик политиками и которая безуспешно решается в рамках формата Минской группы ОБСЕ? Может быть, руководителям Армении к решению этой проблемы стоит подойти с точки зрения интересов простых граждан страны, а не “высших национальных

интересов”? Может быть, необходимо укоренить в армянском обществе толерантность, привить уважение к понятию Добрососедства, так уважаемому и активно реализуемому в Европе, а не пересчитывать количество танков, боевых самолетов и тяжелых орудий в своей армии?

Беларусь

Татьяна Монтик – журналист. Сотрудничает с радиостанциями в Германии, Австрии и Швейцарии: “Дойчландфунк”, “Дойчландрадио Кальтур”, “Норддойчер Рундфунк”, “Дойче велле”, “Байеришер рундфунк”, “ОРФ”, “DRS”, пишет для российских периодических изданий (“Огонек”, “Новое время”, “Корреспондент”, “Московские новости”).

В битве за свободу

Для людей моего поколения, старшеклассников и студентов начала девяностых, времена распада СССР были веселыми и удалыми. Для нас, легко и естественно переступивших в посткоммунистическую эпоху, наступала интересная пора информационного всеобилия и потрясающих открытий.

Неожиданно для себя мы узнавали, что кроме истории “великого и могучего Советского Союза” существует еще и другая история – история нашей малой родины Беларуси, известной, как оказалось, не только своим партизанским прошлым. Мы взалхлеб читали новые общественно-политические журналы, о существовании которых еще пару лет назад никто не мог и мечтать. С пеной у рта споря о судьбе нашей страны, мы строили для своей страны и себя большие планы на будущее.

Начало девяностых было временем голода и тотального дефицита, временем пустых полок. За продуктами выходили как охотники на охоту: с надеждой, что повезет. На смену товарно-денежным отношениям пришел бартер.

Но удивительное дело: мы, молодежь девяностых, не сдавались и не огорчались. От того ли, что были молоды и беспечны? Или, возможно, слишком сильно нас увлекло то, что на наших глазах писалась новейшая история Беларуси, с точки зрения которой любые бытовые проблемы – мелочи, не достойные ни запоминания, ни внимания?

И все же самым главным было другое: нас больше не учили лжи и конформизму, потому что со смертью СССР умерла и необходимость в политическом лицемерии. Двери мира открывались перед нами нараспашку. Мы учились спорить и аргументировать, заново открывали для себя родной белорусский язык. Он, как оказалось, – никакой не “деревенский”, как внушала нам раньше советская пропаганда, а мелодичный и певучий, словно специально созданный для лирики

и объяснений в любви. Более того, мы узнали, что именно на старобелорусском был написан даже первый свод законов Великого Княжества Литовского.

Но, как это не раз случалось в истории белорусов, судьба опять сыграла с ними злую шутку. Лихие белорусские демократы, а среди них в первых рядах – Белорусский Народный фронт, пользовавшийся тогда влиянием в Верховном Совете, за короткое время успели напугать наших людей. В их видении, новое белорусское государство могло развиваться только в том случае, если оно будет оформлено в национально-белорусские рамки. Посему, самое важное – срочный переход страны на белорусский язык, на котором до сих пор практически никто не говорил, кроме разве что тонкой прослойки интеллигенции. Самым удивительным в этой ситуации было то, что языковых курсов людям, от которых требовали знаний родного языка, не предлагалось!

Переход на белорусский язык стахановскими темпами сопровождался продолжающимся экономическим кризисом, и это не могло не сказаться на настроениях людей. Они вдруг снова заскучали по “сильной руке”, по стабильности, при которой, может, и не будет свободы, но зато всегда – социальные гарантии и пресловутая “уверенность в завтрашнем дне”.

Вскоре действительно нашелся человек, который все это народу пообещал. В 1994 году белорусы избрали своего первого президента, который тут же своими указами возвратил стране советские герб, флаг и гимн. Неплохо для начала?!

Но вот беда: в новой президентской республике частному бизнесу почему-то стало очень неудобно. Моему хорошему приятелю, владельцу частного агентства новостей, пришлось несколько раз перерегистрировать свой бизнес: постоянно появлялись новые правила и предписания, выполнять которые он просто не успевал. Однажды, после очередного

маторного похода по кабинетам чиновников, он понял, что проблема – не в регистрации, а в том, чем он занимается: теперь информация должна была подаваться исключительно из уст государства, а не из каких-то там частных агентств новостей. В результате мой приятель закрыл агентство и занялся полиграфией. Стал выпускать визитки, календари и прочую печатную продукцию. Постепенно в Беларуси исчезли все неофициальные источники информации.

Прошло еще немного времени, и, как на зло, заниматься любым бизнесом, вплоть до мелкой коммерции, в Беларуси стало невыгодно. Подруга моей мамы, Лидия, торговавшая на вещевом рынке, сегодня вообще осталась без работы. Налоги и постоянно изменяющееся законодательство, необходимость постоянно покупать все новые и новые лицензии и разрешения, излечили Лидию от духа предпринимательства. Чтобы защитить свои права и права своих коллег, Лидия одно время даже была активисткой в союзе предпринимателей. Но тщетно. Независимым профсоюзам, как и другим неправительственным организациям, в Беларуси приходилось все ту же, публичные выступления их представителей чаще всего заканчивались милицейским разгоном с применением силовых методов.

Вот так и сидит сегодня Лидия без работы – уже почти год. Ее участь постигла также многих ее знакомых. Тем не менее, идти на госслужбу они не торопятся: пугает контрактная система. Дело в том, что теперь государство заключает со своими работниками договор по найму, ограниченный годом или двумя. Договорная система введена неспроста: каждый работник должен знать: шаг влево – шаг вправо, и с тобой распрощаются без объяснения причин – просто потому, что истек срок договора...

Если вы живете в Беларуси, с вами легко может произойти раздвоение личности. Ведь с экранов телевизоров вы будете узнавать одно, а наяву видеть и переживать, мягко говоря, совсем другое, иногда прямо противоположное. Вот, только что, по новостям снова хвалили нашу “знаменитую” белорусскую стабильность. В очередной раз неугомонный и пекущийся обо всех президент посетил очередное госпредприятие, раздал там свои указания и ценные советы. Вот вам репортаж про перспективы сотрудничества Беларуси с Китаем и Ираном.

Вечернее время перед телевизором в семье моих родственников – час яростных словесных перебранок. Мой двоюродный брат Алесь каждый раз кипит от гнева: “После этих новостей мне хочется одного: взять всех этих тележурналистов и расстрелять!” Дело в том, что Алесь каждый день читает новости в Интернете. А они сильно отличаются от “внутренне-белорусской” правды.

Зато жена Алеся Наташа от политики держится подальше. Говорит, ей она неинтересна: “Все равно мы ничего изменить не можем! Лучше уж книжку почитать или музыку послушать”. О чем не любит вспоминать Наташа, так это о том, что ее отец уже успел потерять работу в одном престижном месте и все из-за той же “спесивости”, свойственной, видно, и Наташиному мужу. Теперь вся их семья старается держаться осторожно: как бы чего не вышло. Вот потому Наташа время от времени и грозит мужу: “Еще слово о политике – и я уйду от тебя к родителям!”

На работе у Алеся тоже неприятности: его невзлюбила местная “спецслужба” – слишком уж часто он ездит в Польшу, Германию и в Украину. Однажды его даже вызвали к шефу и отчитали: он, дескать, взял больничный, а сам, по сведениям бдительных “колег”, взял и выехал в Киев. Ему даже сообщили точное время, когда он пересекал границу с

Украиной: в прошлый четверг, в 15:20. Теперь для Алеся его будущее четко обозначено: он мечтает уехать жить за границу...

Последней надеждой многих потенциальных эмигрантов были, пожалуй, президентские выборы 2006 года. Тогда, в лютую мартовскую стужу, они вышли на Площадь, чтобы заявить о своем несогласии с официальным курсом. Вышли, потому что им “надоело жить в совке”. Вышли и старики, и молодежь.

После нескольких дней мирного, но напряженного противостояния, когда большинство иностранных журналистов уже покинули страну, палаточный лагерь протеста был снесен – с помощью до боли знакомых многим омоновских дубинок. Сотни людей загремели в тюрьмы, многие распрощались со своей работой, “засветившихся” на Площади студентов массово отчисляли из вузов, многим не оставалось ничего иного, как эмиграция...

Противостояние граждан и белорусского государства длится уже четырнадцатый год. В последней схватке – в силу множества причин – государство снова оказалось сильнее и сплоченней, и выиграло очередную битву против собственного народа.

Все эти годы свобода для белорусов остается лишь зыбким призраком. И каждый, кто хочет здесь жить, вынужден молчать, соглашаться и бездействовать, подавляя в себе накопившуюся боль и агрессию. Как будто бы и не умирал СССР.

Болгария

Марин Бодаков поэт, журналист, литературный редактор газеты “Культура”.

Романс “Сомнение”

Политические перемены в Болгарии наступили в 1989 году, когда мне было восемнадцать. Еще с третьего класса я представлял себе коммунизм так, как мне внушила моя тогдашняя учительница, и представление это оставалось неизменным – возможно, именно в силу своего анекдотического характера. А вот реальность все чаще ставила меня в тупик, что нервировало. Даже юношеская наивность не спасала.

Напротив нашего дома был фирменный магазин кожаных изделий “Пирин”. Продававшиеся там перчатки, куртки и обувь казались нам тогда чуть ли не роскошью, и были порядком дороги. Как я понял много лет спустя, постоянными клиентами этого магазина были представители городской бюрократической элиты. Да и работавшие там продавщицы: три строгих тетки с кучерявыми последствиями “перманента” на голове, тоже были не из простых – все три были замужем за армейскими полковниками.

Так вот, моя милая учительница внушила нам, что коммунизм наступит тогда, когда любой гражданин сможет зайти в этот магазин, взять, что ему требуется – пару ботинок, замшевое пальто, сумку – и проследовать с ними прямо домой, а не к кассе. Причем все будут такими сознательными, что станут навещать магазин “Пирин” не чаще раза в год вместо того, чтобы злоупотреблять предоставленным им правом, то есть – чтобы не злоупотреблять коммунизмом.

Нынче на дворе год 2008-й, и сеть магазинов, торговавших социалистическим люксом, давно не существует. Из-за сложности реституционного иска, предъявленного государству наследниками некогда национализированной земли, на которой построили “Пирин”, теперь этот участок зарос бурьяном. Витрины, в которых некогда можно было увидеть коммунистическое будущее, сначала были разбиты, а потом заколочены досками. Что воздвигнут на столь аппетитном клочке земли в самом

центре древней столицы Болгарии Велико-Тырново, никому не ведомо. Разве что тем, чей личный бюджет существенно пополняется за счет коррупции.

В 1989-м не только мне было восемнадцать, а почти всей Болгарии. Что-то не верится, чтобы многие наперед предвидели неумолимый финансовый крах в смехотворной экономической иррациональности того миража, в который свято верила моя учительница. Этот крах смел как наши идеологические иллюзии, так и робкие личные надежды.

Студенческие стачки, митинги протеста, уличные пикеты и прочее в этом роде позволили мне и моим сверстникам сублимировать ярость, характерную для периода прыщавой юности. А вот моей родной стране не удалось с достоинством вступить в зрелость: роковым образом она угодила непосредственно в менопаузу.

Впрочем, мое поколение оказалось не очень-то полезным для нового общества. Оно разделилось на какие-то новые социально-экономические подклассы. Одни из нас отправляются во сне в магазин “Пирин” и виновато отовариваются утопиями. Другие, нахапавшие “бабла”, тоже виновато прикрывают свой “лайфстайл” фиговым листочком пустопорожней риторики. Третьи терпеливо влачат тягостное существование в оказавшемся слишком глубоким для них времени. Мощная деполитизация течет на всех уровнях и расчищает место для чудовищ популизма. Даже когда богаты, мы несчастны.

Вообще-то, в руках у моего поколения уже достаточно политических рычагов: можно было бы и социальным управлением заняться. Вот только для того, чтобы ухватиться за них, нам пришлось заключить союз с дьяволом: со всем и всеми теми, против кого мы надрывались от крика по площадям, когда нас опьяняла простодушная идея свободы и честных выборов. Сегодня мафия, циники, стукачи – это мы... Иными словами,

нам не удалось накопить критической массы, нужной для социального вдохновения, а не просто вступления в Евросоюз и НАТО. Да и сам я уже пару лет занимаю кабинет, под окнами которого в 1997 году полиция щедро потчевала меня слезоточивым газом. Тем не менее, я убежден, что аппетита к власти я лишен абсолютно: иначе все было бы по-другому. Все было бы по-другому и если бы я не тешился иллюзией, что создаю для своей дочери более здоровую социальную среду за пределами нашего обиталища – столичного гетто для привилегированных. В политическом плане мое близорукое поколение претерпело провал.

Наша постсоциалистическая история изобилует парадоксами. То бывший царь устроился работать премьер-министром; то расстреливавшиеся прямо на улицах мафиози оказывались советниками президента; то маститые литераторы становились подписантами деклараций в поддержку натовских бомбардировок Белграда – а в результате мы до обыденности привыкли изумляться.

Самый свежий такой случай произошел со мной опять-таки в моем родном городе. Магазинов “Пирин” в Велико-Тырново больше нет, зато в центре древней столицы недавно отгрохали огромный торговый центр – “мол”, этакий храм капиталистического потребления. К нему на поклонение постоянно стекаются пилигримы, среди которых и новое местное нацменьшинство: англичане, покупающие сельские дома в живописных холмистых окрестностях города.

В суматошный канун Рождества я бродил из магазина в магазин в поисках подарка для жены. И случайно забрел в “Пьер Карден”, где подслушал разговор между двумя молодыми людьми, которые примеряли костюмы, со знанием дела комментируя ткань, модели, покрой.

Чему же была посвящена их светская беседа? Пленительной красоте жизни в деловом офисе? Экстремальным, вызывающим прилив

адреналина забавам? Отнюдь. Они обменивались сведениями о том, как и когда резали свиней в родной деревне, сколько убойного веса получили и какие домашние колбасы заготовили.

Вот он, подлинный символ постсоциалистической Болгарии, беднейшей среди стран Евросоюза. Не удивительно ли, как в одном и том же сознании могут уживаться тонкости европейского вкуса и балканский провинциализм? Ненавязчивая элегантность и подвыпившая сельская стихия? Не сомневаюсь, что вековая болгарская витальность преподнесет нам и в будущем немало подобных сюрпризов, перед лицом которых прагматизм беспомощен.

Гражданское общество моей страны устало от парадоксов, отчего ему – в сущности, нам – стало яснее, чего мы хотим. А хотим мы подлинной реформы систем образования и здравоохранения... Тодора Живкова отстранили от власти целых 18 лет тому назад, и с тех пор ожесточенные дебаты ведутся по любым вообразимым поводам. Хорошо хоть, что по этим двум пунктам они превращаются в осмысленный разговор; в разговор между “обычными” людьми, которые к политикам особого доверия не испытывают.

Словом, официальное болгарское государство стало бесплодным: оно перестало рожать будущее для своих граждан. Зато 1 января 2007 года мы обзавелись приемной политической семьей, которая, хотя и смотрит на нас несколько свысока, но предоставляет самым жизнеспособным из нас кое-какие возможности.

Но не окажется ли Евросоюз очередным магазином “Пирин”, перед витринами которого станем мы предаваться пустым мечтам, не замечая, что он набит китайскими товарами? Или это я такой пессимист?

Грузия

Гурам Одишария – писатель, журналист, общественный деятель, член Совета неправительственной организации “Кавказский диалог”.

Проспект Руставели

Новая Грузия родилась 9 апреля 1989 года – еще до приговора, вынесенного Советскому Союзу в Беловежской пуще. В тот день в Тбилиси, на проспекте Руставели, армейские спецподразделения разогнали акцию голодающих, которые мирно требовали независимости. При разгоне акции погибло 20 человек (большинство из них были молодые женщины). Многие были ранены, серьезно пострадали от отравляющих газов, примененных при разгоне.

Это было одно из последних столкновений Советской Армии со своим народом. Очень скоро национальные лидеры уже независимой Грузии обнадеживающе заявляли, что страна в кратчайшие сроки выйдет на жизненный уровень Швейцарии. “Мы будем продавать миру уникальную минеральную воду “Боржоми”, уникальные грузинские вина, и, даже если этого будет недостаточно и необходимо будет добыть еще денег, – у нас есть еще и родниковая вода, и ее ведь можно продать!” – говорили они.

Тихо ушли коммунистические чиновники. Ушли не в прошлое, а просто сняли с себя маски коммунистов, и совсем скоро вся страна их уже видела в церкви – они прилежно учились зажигать свечи перед образами и истово креститься.

Население с новыми надеждами приступило к строительству новой Грузии, и на первых демократических выборах в мае 1991 года выбрало нового президента Звиада Гамсахурдию. За него проголосовали 87 процентами голосов из 80 процентов избирателей, пришедших на выборы.

Однако вместе с независимостью Грузия получила множество проблем. Острейшей из них был дефицит электроэнергии. Население всеми возможными и невозможными способами искало выход из этого положения. Некоторые ухитрились подключать свою квартиру или дом к двум-трем разным линиям электропередач. Властью периодически устанавливались различные графики подачи электроэнергии в разное время и в разные районы, которые тут же нарушались. В зависимости от

количества и качества подаваемой электроэнергии страна была поделена на престижные и непрестижные регионы, города – на престижные и непрестижные районы. Конечно же, лучше всех электроэнергией снабжался Тбилиси – столица независимой Грузии, но и здесь время от времени жители перекрывали движение автотранспорта то на одной, то на другой магистрали города, чтобы именно в их район был подан вожаделенный электрический ток.

Дети в некоторых отдаленных селениях обучались при дневном свете и расходились после учебы по домам так и не увидев, как загорается свет в пыльной “лампочке Ильича”, висящей под классным потолком.

В те времена очень популярными стали “люди электричества” – чиновники, имевшие отношение к распределению энергоресурсов, специалисты-энергетики. Волей-неволей масс медиа “раскрутила” их словно эстрадных звезд – корреспонденты газет и журналов, теле- и радиожурналисты часто встречались с ними, задавали им бесчисленные вопросы. Из всех вопросов наиглавнейшим был один: когда же в Грузии будет стабильное электроснабжение?! Их знала в лицо вся Грузия, с ними здоровались на улице, останавливали, расспрашивали. Вот только автографы не брали.

В 2004 году, спустя 13 лет после обретения независимости, в Грузии наконец-то установилось стабильное электроснабжение. Города засияли уличным освещением. Самым ярким, “наэлектризованным” городом стал, конечно, Тбилиси. А “люди электричества” канули в вечность. Теперь уже никто не помнит ни их имена, ни лица.

Несколько лет назад в Тбилиси неожиданно возникла новая проблема – дефицит воды. И, казалось, все начинается сначала. На телеэкранах немедленно появились “люди воды”, но журналисты не успели их толком “раскрутить” – водоснабжение города, к счастью, возобновилось довольно быстро.

Теперь грузинские журналисты, как, впрочем, и журналисты большинства постсоветских стран, занимаются более привычным и обычным делом – “раскручивают” политиков высокого ранга и рангом помельче. Грузинские политики, благодаря, в основном, телевидению, “зашли” в каждый дом, в каждую семью. Вряд ли найдется в Грузии человек, который не знает, что кушает на завтрак тот или другой политик, в кого они влюблялись в первом классе школы. Даже выставки их детских фотографий проводятся как что-то обычное и традиционное.

Сегодня, как никогда, грузинская политика стала одновременно и культурой, и искусством, и экономикой страны. Она затопила собой все информационное и человеческое пространство и присвоила себе право монопольно выдавать людям надежды на будущее.

Политика пропитала собой воздух, которым дышит каждый гражданин Грузии. На всем постсоветском пространстве Грузия – самая политизированная страна, а точнее – страна, раскаленная сверхполитическими страстями. Поэтому можно смело сказать, что за годы независимости не президенты Грузии жили жизнью и проблемами своего народа, а народ поочередно жил жизнью каждого из трех президентов. Народ изучал по телевидению вкусы и мысли президентов, а потом или рьяно отстаивал “своего” президента, или так же рьяно нападал на него, не считая его “своим”.

Всего несколько месяцев прошло с момента избрания Звиада Гамсахурдия, когда в Тбилиси, на проспекте Руставели, именно там, где 9 апреля 1989 года разогнали акцию голодающих, и где время от времени устраивал митинги своих сторонников первый президент, собрались противники Гамсахурдия и потребовали его отставки. Число участников митинга постепенно росло. В ожидании недобрых новостей население всей страны, затаив дыхание, наблюдало за столичным проспектом.

Первый же выстрел на проспекте Руставели разорвал страну пополам. Полилась кровь. А ведь еще до этого начался вооруженный конфликт в Южной Осетии. И там в это время гибли люди: и грузины, и осетины.

Разожженный на проспекте Руставели пожар перекинулся на всю Грузию, в особенности же на ее западную часть.

“А вы что думали, демократия – это вам не лобии жевать!” – обратился тогда к народу по телевидению Джаба Иоселиани, основатель незаконных вооруженных формирований, злейший враг президента Гамсахурдия. Это он, Джаба Иоселиани, когда Гамсахурдия был изгнан из страны, предложил вызвать в Грузию Шеварднадзе.

Вернувшись на Родину в 1992 году, Шеварднадзе сразу был избран главой государства. Пост президента в это время был отменен, однако уже в ноябре 1995 года, после принятия новой конституции, Эдуард Шеварднадзе стал избранным вторым президентом Грузии, получив 74% голосов избирателей. Первым делом он наградил Джабу Иоселиани, а чуть позже посадил его на несколько лет в тюрьму, в ту самую, в которой тот сидел и при Звиаде Гамсахурдия. После своего освобождения Иоселиани написал и издал книгу о годах, проведенных в грузинской тюрьме. Вскоре после этого он скончался.

Всего несколько месяцев спустя после возвращения Шеварднадзе на Родину Грузию приняли в члены ООН. Сторонники Шеварднадзе заявляли – это не Грузию, это Шеварднадзе приняли в ООН.

Всего несколько дней спустя после приема Грузии в члены ООН танки грузинской Национальной гвардии вошли в Абхазию. Так начался еще один кровопролитный конфликт. Грузинская политика не смогла избежать грузино-абхазской войны и потерпела крах. В Грузии до сих пор называют этот конфликт по-разному: российско-грузинской войной, российско-американским конфликтом, даже грузино-грузинским.

В конце сентября 1993 года вооруженный конфликт в Абхазии завершился, и к беженцам из Южной Осетии добавилось около 300 тысяч беженцев из Абхазии. Погибли тысячи грузин, абхазов, осетин, многие представители других национальностей. В результате распада Советского Союза и вооруженных конфликтов внутри страны население было полностью разорено экономически, оно оказалось в тяжелейшем положении. Страна не имела ни хлеба, ни электричества, у нее оставалась одна надежда – на гуманитарную помощь, поступающую из демократических стран.

Со свержением эфемерной власти Гамсахурдия рухнули и надежды многих людей на стабильность в стране, но Шеварднадзе тут же воздвиг перед народом новый ориентир на сказочно прекрасное и демократическое будущее.

Эдуард Шеварднадзе управлял независимой Грузией так, словно продолжал быть первым секретарем ЦК компартии Грузии. Он за советское время так привык отчитываться за свои действия перед Москвой, что, став президентом независимой страны, продолжал искать: перед кем отчитываться, и в конце своей политической карьеры стал навязчиво отчитываться за свои действия перед Вашингтоном, так же, как раньше отчитывался перед Москвой. Несмотря на урегулирование некоторых проблем, он оставил своему “преемнику” разоренную страну, хронически взрывоопасные конфликты, тяжелое экономическое положение, страшнейшую коррупцию, социально незащищенное, бесстыдно ограбленное большинство населения, несбывшиеся надежды и лживые обещания.

И снова забурился проспект Шота Руставели. Собирались митинги, средние и мелкие, но отнюдь не “океанские волны” (“океанские” – это по 50, 100 и 200 тысяч), которые приносят свержение старой власти и начало новой жизни. Недовольство народа зрело медленно, но стабильно.

Следующий “океанский митинг” забушевал на проспекте Руставели лишь в ноябре 2003 года и 23-го ноября, в день Святого Георгия, завершился добровольной отставкой Шеварднадзе. Эта акция получила название “Революции роз” и проведена была под руководством одного из лидеров тогдашней оппозиции – Михаила Саакашвили.

Лишь бы ушел Шеварднадзе – и народ был готов дать ‘carte blanche’ любому лидеру. Следующим избранником грузинских граждан и оказался Михаил Саакашвили. 23-го ноября, в день Святого Георгия, в пуленепробиваемом жилете под плащом и с розой в руке Саакашвили со своими соратниками прямо с проспекта Руставели ворвался в здание Парламента и выпил теплый чай из стакана, оставшегося на трибуне, с которой только что выступал Шеварднадзе, после того, как личная охрана увела его из здания парламента – от греха подальше! Выпив этот тепловатый чай, новый лидер как бы принял на себя от старого все проблемы Грузии и новые надежды народа.

Полтора месяца спустя народ избрал президентом Саакашвили беспрецедентным для независимой Грузии количеством голосов избирателей – 97 процентов!

И новые грузинские политики во главе с третьим, к тому же самым молодым из всех, президентом, засучив рукава, взялись за страну. Со времени застойного шеварднадзевского периода страна начала свое движение вперед, и стали ясно проявляться некоторые признаки подлинной государственности.

Но политики постоянно старались перенести внимание населения на вопросы глобальной политики, и без внимания оставались многие внутренние проблемы. “Новые” политики увлеклись зрелищами – фейерверками и фонтанами, занялись новыми дорогами и грандиозными постройками.

Ни “старые”, ни “новые” не выполнили своих обещаний, данных народу перед выборами: “Мы урегулируем конфликты, возвратим домой беженцев”, “Уничтожим безработицу”... Все они возлагали слишком большие надежды на лозунги типа: “Америка нам поможет!”, “Запад нам поможет!”, “Скоро мы войдем в НАТО!”.

Слишком большие надежды народа и ненормально безграничное доверие к правительству спустя определенное время обязательно оборачивается разочарованиями. Человек, слепо доверяющий политикам, часто долгое время не замечает разницы между реальной и “косметической” политикой, между настоящим “ремонтom” системы и просто заменой “штукатурки”.

В конце концов, действия новых политиков оттолкнули общество, в очередной раз отобрали у людей надежду на скорые перемены к лучшему. Власть зачастую ставила себя выше Закона. Коррупция, существующая пропасть между словами власти и ее делами, временами надоедливый, а иногда даже опасный популизм лидеров, их эгоцентризм и мессианство, вечная поза “правоты”, непризнание ошибок, нежелание считаться с советами – все это не могло не повлиять на отношение народа к Михаилу Саакашвили и его соратникам.

Положение усугублял и радикализм еще не сформировавшегося гражданского общества, стремление народа к поиску харизматического лидера, желание достижения быстрых успехов в условиях только-только нарождающейся демократии, игнорирование большинством общества реалий современной политики и – самое важное – российского фактора.

Начиная с 9 апреля 1989 года на авансцене грузинского политического театра – Россия. Бессменный монстр проспекта Руставели, злой гений, серый кардинал. В политическом спектакле, поставленном российскими политическими режиссерами, словно в дешевом комическом телесериале, все происходящее кажется нелепой грубой карикатурой. Россия,

словно с демонами, самоотверженно борется то с грузинским вином, то с грузинскими цитрусовыми, то с минеральной водой “Боржоми”, то с самими грузинами, волею судьбы оказавшимися на российской территории.

Грузия – единственная из кавказских стран, для которой Россия ввела визовый режим. Именно с Россией – в свое время огромным рынком для Грузии – ни одно из правительств независимой Грузии не смогло наладить нормальных взаимоотношений, несмотря на то, что не раз советовали западные лидеры лидерам грузинским: “Просим Вас учитывать фактор России”. Отношения между двумя странами по очереди обостряли то грузинские руководители, то российские. В 2006 году по национальному признаку из различных регионов России была произведена депортация граждан Грузии.

До распада Советского Союза в Грузии проживало больше пяти миллионов человек, а сегодня – меньше четырех миллионов. Страну покинули больше миллиона жителей, по некоторым данным – полтора миллиона. Большая часть эмигрантов уже является гражданами других стран, остальная часть время от времени возвращается назад, но неустойчивая динамика положения страны не дает надежды на то, что они окончательно вернутся на Родину.

Представители других национальностей часто отмечают, что мы, грузины – артистическая нация. Может, потому, что особенно любим театр. За последние 15 лет число театров в Грузии выросло вдвое, а то и втрое. Сейчас я знаю наверняка, что Грузия – страна с самым большим числом театров на душу населения на всем Кавказе. Даже в период “бессветия” (когда не давали электричества), зимой, освещали сцену электроэнергией от генераторов, и зрителей на тех спектаклях всегда хватало. Между прочим, и широко известный Театр имени Руставели расположен на проспекте Руставели, в ста шагах от здания Парламента.

Наши застолья тоже похожи на спектакль, и наша политика – тоже; тамада за столом – похож на президента. И политики тоже часто повторяют: “Вот поставим сильный спектакль”, “Что это за спектакль разыграли!”, “Мы научим их режиссуре!”, “Все развивается по нашему сценарию”... Разумеется, они имеют в виду в это время свой политический театр.

Выражение “хлеба и зрелищ!” в грузинском прочтении звучит так: “хлеба, вина и зрелищ!”. Тот, вышеупомянутый “простой” грузин – хлебосольный, дружелюбный человек.

А еще – грузины очень любят телевизор. По числу телевизоров на душу населения нищая Грузия вошла в десятку самых “богатых” в мире стран (“хлеб, вино и телевизор”). На протяжении этих лет ее телевизор был забит политическими новостями и горячими событиями, политиками, претендующими на звание политиков личностями, талантливыми и бесталанными представителями шоу-бизнеса. А ее холодильник был полупустым, а иногда – и совсем пустым.

Так и жил “простой” грузин в своей квартире у щедрого телевизора и у пустого холодильника.

Несмотря на некоторые успехи новой власти, ровно четыре года спустя после начала “Революции роз”, на проспекте Руставели вновь забушевали “океанские волны” митингов (по разным данным, 100 - 150 тысяч митингующих). Только в этот раз они не привели к власти очередного нового лидера. Не повторился ‘happy end’ “Революции роз”. Саакашвили объявил – государство есть государство, и 7-го ноября, именно в тот день и на том самом месте, где власти Советской Грузии в течение более 60-и лет проводили парады и демонстрации, посвященные Великой Октябрьской революции, нынешняя власть провела демонстрацию своей силы: разогнала мирный митинг водометами,

резиновыми дубинками, газами, резиновыми, но все-таки пулями. Были еще и шумовые установки, душераздирающие звуки которых еще несколько недель спустя звучали в снах тех, кто бежал с того митинга. Власть “очистила” (как заявляли чиновники) проспект Руставели, а несколько позднее и Рике (набережную Куры). К счастью, никто не погиб, но до 700 пострадавших обратились за медицинской помощью. Тогдашний премьер-министр в тот же день попытался успокоить народ, – не бойтесь, газ не российского производства, мы привезли его с Запада. Но премьер-министра уже мало кто слушал. Было объявлено чрезвычайное положение. Закрыты несколько теле- и радиокompаний. Позднее эти события некоторые политологи называли “маленьким 37-м годом”, некоторые – “новым 9 апреля”, некоторые же, напротив, утверждали: “Закон есть закон, другого выхода не было, была спасена грузинская государственность”.

Народ, уже в который раз, опять разделился надвое. Свергающий президентов проспект вынудил и Михаила Саакашвили подать в отставку, только в этот раз президент сам назначил дату президентских выборов – 5 января 2008 года. Назначил, и снова выиграл выборы, но уже не с таким ошеломляющим перевесом голосов. За Михаила Саакашвили в этот раз проголосовали 53% избирателей.

В день инаугурации президента, которая состоялась перед зданием Парламента 20 января (опять на проспекте Руставели!), его многочисленные противники собрались на тбилисском ипподроме. В тот день Саакашвили повторил свой предвыборный лозунг – “Грузия – без бедности!”, а оппозиция, как в столице, так и в других городах Грузии повторила – “Выборы фальсифицированы!”, “Не признаем Саакашвили как президента!”. Президентские выборы на сей раз не смогли объединить Грузию, они только зафиксировали раскол в стране.

Грузия и на Кавказе, и на всем постсоветском пространстве по-прежнему остается республикой - рекордсменом по количеству и сложности внутренних проблем, среди которых и неурегулированные конфликты, и слабая экономика. На сегодняшний момент власть все еще не построила то мирное созидательно-управляемое пространство, которое является необходимым условием для прогресса и стабилизации. А общество пока не научилось сближать свой безграничный оптимизм с реальностью. Без возникновения новой политической культуры, без налаживания гармоничных отношений между властью и обществом, надежды населения будут регулярно обманываться и главную роль в политической истории страны будет играть проспект Руставели, а не грузинские политики.

Казахстан

Адилъ Джалилов – журналист, эссеист,
соучредитель и руководитель Международного
центра журналистики *MediaNet*.

“Мульти-культи” с вечным терпением

“Мульти-культи” – так немцы называют этнический коктейль, который с развитием глобализации стал и достоянием, и угрозой современного мира. Мультикультурная среда свойственна мегаполисам – Берлин, Лондон, Нью-Йорк. В богатые стабильные страны устремляются со всего мира и обретают новую родину.

Как ни странно, в этой компании есть и Казахстан, который стал многоэтническим еще в прошлых веках – “благодаря” освоению степи казаками и немцами – еще при царской России, сталинским репрессиям, Карлагу, репатриантам с Кавказа, трудоармейцам, эвакуированной интеллигенции, целине и советской системе поствузовского распределения.

В итоге Казахстан стал ну не то чтобы “Вавилоном”, но, пожалуй, “ветераном” мирового мультикультурного “фронта”, собрав более ста разных народов на более чем 2 млн. квадратных километров.

Постперестроечный миграционный отток немцев, евреев, русских на исторические родины несколько разбавил полиэтничность, но она продолжает оставаться главной “фишкой” Казахстана. За последние 10 - 15 лет именно “мульти-культи” и взаимная толерантность, а отнюдь не нефть или рост зарплат стали в Казахстане самым ценным явлением. И вправду – ну так сложилось, что нет здесь особо уникальной архитектуры, нет знаменитых брендов, персон. Но есть эксклюзивная разношерстность в лицах, фамилиях, именах. Наверное, это и есть главное достояние Казахстана.

Если спросить сотню людей на улицах, например, Алматы, что они считают главным достоянием, вряд ли даже десяток из них назовут пресловутую “мульти-культи”, потому что она ...само собой разумеется, она привычна и не бросается в глаза казахстанцу.

Но что они могут назвать в числе достижений?

Стабильность. Проеденный молью элемент госпропаганды – “стабильность” ставится в заслугу власти. Может быть, так оно и есть, хотя почему-то думается, что дело в общей толерантности казахстанцев, привыкших к тому, что рядом живут непохожие люди, “...и пусть живут”. На фоне войн на Кавказе, в Таджикистане, конфликтов в Приднестровье, Прибалтике и других стран СНГ, Казахстан действительно выглядел “островком” стабильности. Но при этом и именно поэтому в отличие от других стран, в Казахстане эта самая стабильность не была объединяющей целью, так сказать, всенародной мечтой.

Нефть. С обрушившейся когда-то как тяжелый тупой предмет по голове в темном переулке Независимостью, в Казахстане нефтяная тема тоже стала расхожей. Понятно, что “уникальные” нефтяные запасы – не в арабских странах – нужны были Западу для давления на ОПЕК. Нам подарили миф о “втором Кувейте”, который постепенно сошел на нет. Власть его озвучила, затуманив головы мечтами о стране миллионеров. Так, с недавних пор мы стремимся в пятидесятку самых развитых стран (по версии Давосского экономического форума), самых конкурентоспособных во всех областях – от экономики до культуры. Попадем в нее, потому что уже близко. Но что это даст – непонятно. Погордимся чуток, но будем продолжать давать взятки, ужасаться падающему уровню отечественного образования и здравоохранения, видеть нищих и бомжей на улицах и ужасаться дикой инфляции. Пресловутая пятидесятка уже стала элементом стеба традиционных кухонных дискуссиях – в стиле – плохо, зато скоро войдем в 50 самых развитых...

Впрочем, нельзя отрицать, что все-таки в Казахстане есть изменения к лучшему – прежде всего – расширились возможности – поучиться или отдохнуть за рубежом могут позволить себе многие. Гипермаркеты,

иномарки и всевозможные элементы индустрии развлечений стали новыми привычными декорациями жизни казахстанцев.

И все это на фоне регулярно спускаемых свыше мифов. Так, поняв, что Казахстану не светит роль “второго Кувейта” – не так много нефти и не хочется делиться доходами от нее – нам подарили еще одну сказку. Но со сложным названием “Индустриально-инновационная стратегия”. Это в смысле, типа... на нефть не надо надеяться, надо заводы строить, новейшие технологии развивать.

А тот факт, что рядом Китай с молниеносным освоением всех технологий и супердешевой рабочей силой, а с другой стороны Россия?

Если спросить у сотни прохожих, скажем, в Нью-Йорке, что вы знаете о Казахстане, человек 20 ответят – “ничего” и пожмут плечами. Человек 30 переспросят – “Афганистан?”. В лучшем случае десяток скажут “нефть”. Но уж точно человек 30 - 40 воскликнут – “Борат!”

Саша Барон Коэн – британский комик, раскрутивший образ Бората Сагдиева – псевдоказахстанского журналиста – еще недавно был злейшим врагом казахстанской власти. Он позорил на все лады нашу “великую” родину. На него даже хотели подавать в суд. Вот была бы потеха! Слава Богу, передумали и стали наоборот – эксплуатировать этот образ в собственных целях. Посольство Казахстана в США грамотно публикует статью в ведущей американской газете “Кому нужен Борат? Вот Президент Казахстана”. Как правильно – ведь нашего президента, увы, в Штатах как раз-таки почти не знают.

Зато его еще как знают на родине. Его портретами пестрят первые полосы газет, с него начинаются сюжеты в теленовостях. Недавно парламент подарил ему вопреки Конституции (которая дает равные права всем гражданам) щедрый подарок – он может баллотироваться на свой пост столько, сколько пожелает. Теперь все в его руках и все зависит от его скромности.

“И вся страна ждет – хватит ли ее? А еще многие задаются вопросом: Хватит ли нам нашей знаменитой казахстанской толерантности? Сохраним ли мы нашу “мульти-культу” или превратимся в “Казахстан для казахов”, повторяя ошибки соседей. И здесь уже не так важно, кто будет следующим президентом”.

Большинство казахстанцев миролюбивы и продолжают верить, что счастье – это когда много денег, и никто их не забирает, когда можно пригласить на свадьбу 500 гостей и блеснуть перед ними богатством, пусть ради свадьбы была продана квартира. И пусть большая часть гостей останутся ночевать. Умильное, но жутковатое тщеславие и гипертрофированное гостеприимство. Очень типично по-казахстански – лишь бы терпимости и угощений хватило...

Киргизская Республика

Арслан Койчиев – журналист, эссеист, продюсер
Киргизской службы Би-Би-Си.

От революции до революции

В 1990 году в Кыргызстане зазвучали демократические лозунги. Обострился национализм, особенностями которого были антирусские, антиузбекские и антикоммунистические настроения. Антирусские настроения привели к массовому оттоку из Кыргызстана русскоязычного населения. Антиузбекские вылились в жестокие столкновения между двумя братскими народами, а вот антикоммунистические настроения почему-то ни к чему не привели.

В октябре этого года, однажды утром ко мне в общежитие прибежал взволнованный студент исторического факультета и сказал, что наш преподаватель Тынчтыкбек Чороев просит меня срочно прийти на площадь перед Филармонией. Я пришел. Там, на оживленной городской площади, сидел наш профессор, объявив голодовку. Рядом с ним – плакат с лозунгом: “Долой руководителей Центрального комитета Компартии!” Оказалось, что члены Демократического движения Кыргызстана решили в массовом порядке объявить голодовку и разместились в разных местах в центре Бишкека. А вызвал он меня с тем, чтобы я, находясь рядом с объявившим голодовку, разъяснял прохожим, почему он пошел на такой шаг. Я сначала его неправильно понял и со словами “читайте плакат и быстрее расходитесь”, начал разгонять толпу собравшихся. Чуть не провалив антикоммунистическую пропаганду перед Филармонией, я быстро исправился и принялся вовсю чернить от имени преподавателя Компартию Кыргызстана и ее Центральный комитет. “Именно из-за коммунистов мы оказались в нынешнем тупике! Права человека подавлены! Национальные права ущемлены!”, – не унимался я. Мы, студенты, стали выходить на центральную площадь города каждый день, возвращаясь по домам только за несколько минут до комендантского часа, объявленного в связи с кыргызско-узбекскими столкновениями.

Может, другие знали, но нам, студентам, тогда было невдомек, что эти выступления, сопровождавшиеся политической голодовкой, и на самом деле приведут к свержению в Кыргызстане власти Компартии.

Тем временем на заседании Жогорку Кенеша (Верховного Совета) было решено установить в стране президентскую власть. Ко времени, когда стал вопрос о том, кто же станет президентом, в политическую акцию втянулось огромное количество людей, в том числе почти вся студенческая молодежь. Число объявивших голодовку резко увеличилось. Может, из-за внутренних разногласий среди коммунистов, а может и из-за усиления давления протестующих, никто из секретарей Центрального Комитета не прошел в президенты.

За президентское кресло решил побороться и срочно вызванный из Москвы Аскар Акаев. Из выступлений всех кандидатов именно слова Аскара Акаева звучали наиболее прогрессивно. Помню почти наизусть. “Кыргызстан должен смело выходить на международную арену, не оглядываясь на Москву. Кыргызстан – азиатская страна, его место в Азии. Поэтому надо установить близкие взаимоотношения с крупнейшими экономиками Азии, с такими “тиграми”, как Гонконг, Южная Корея. Я думаю, что, придерживаясь такого направления, в течение трех лет смогу вывести Кыргызстан из экономического кризиса”. Перед нашими глазами всплывали Сингапур, Гонконг. И вот близко к полуночи по результатам голосования Акаев победил на выборах и стал президентом. Мы, стоявшие перед парламентом, восторженно разошлись, уверенные, что если будем следовать за Акаевым, то через три года догоним Сингапур...

По жестокой иронии судьбы, именно эти три года останутся в памяти, как время полного экономического развала, небывалой безработицы, гиперинфляции, бедности, роста преступности.

Аскар Акаев был физиком. И именно законом физики он попробовал оправдать ситуацию в стране и в обществе. “Через хаос к порядку!” – сказал кыргызский президент-физик. Народ на время успокоился и стал терпеливо ожидать прекращения хаоса.

Обещавший придерживаться демократических норм президент Аскар Акаев разными ухищрениями сумел удержаться у власти целых пятнадцать лет. Образы Сингапура и Гонконга постепенно поблекли в глазах кыргызов. Самые остроумные шутили, что Акаев как раз подбирает теперь другой подходящий закон физики, чтобы им снова успокоить народ. К этому времени, после цветных революций на Украине и в Грузии, многие заговорили, что на очереди Кыргызстан. Тогда, вероятно, испугался за свое будущее и президент Акаев.

А 24 марта 2005 года он был вынужден покинуть страну. Его сторонники, все еще находившиеся у власти, не смогли удержать рычаги государственного контроля. В считанные часы столицу охватила волна беспорядков. Страна оказалась на пороге гражданского конфликта.

Помню, как глубокой ночью мне позвонил один знакомый, работавший в парламенте. “Приезжай, будет интересно!” – сказал он. Я поехал. Почти одновременно к зданию парламента подъехали лидер народного движения, бывший премьер-министр Курманбек Бакиев и только что освободившийся из тюрьмы Феликс Кулов. Он, кажется, даже не успел переодеться. После коротких переговоров бывший министр внутренних дел, бывший министр безопасности, еще не оправданный судом Феликс Кулов, стал во главе силовых структур. В темном фойе парламента толпился народ. В глазах людей можно было прочесть вопрос: “Что же теперь будет?”

И вдруг, с возгласом “Дорогу! Дайте дорогу!”, Усен Сыдыков, один из советников Бакиева, взяв его под локоть, направился вперед. Известный кинорежиссер Болот Шамшиев, не растерявшись, взял будущего президента за другой локоть. Тут и я, предугадав их направление, встал впереди процессии, еще громче требуя: “Дорогу! Дорогу!” Так мы пошли, в сопровождении толпы, по темным коридорам Жогорку Кенеша. А в голове, как кадры из кинофильма, нарисовались образы кыргызов девятнадцатого века, бесконечными дворцовыми переворотами приведшие Кокандское ханство к развалу. Тогда, убив по крайней мере десятерых, и свергнув еще нескольких наследников Кокандского трона, кыргызы с азартом увлеклись сменой властей и, кажется, уже не могли остановиться. В тот момент и я поверил, что если верно рассчитать, то не так уж и сложно поменять правителя. Я подумал, может и в этот раз свершается такой же переворот? “Нет, нет, – тут же поспешил я исправить собственные мысли, – это революция, кыргызская революция!”

Но на самом деле кыргызы до сих пор спорят: что это было, переворот или революция? Поменялись лица и личности, но изменилась ли система? Одни твердят, что ничего не изменилось, другие доказывают, что есть прогресс. По крайней мере, закончилась долгая власть одного человека, и общество пытается сформировать новые политические, более демократические традиции. Может быть, заметное оживление общественных движений молодежи и является одним из доказательств нового отношения кыргызов к власти и большего доверия власти к собственному народу.

Молдова

Наталья Мотыль – магистр управления бизнесом, координатор проектов развития, проводимых Всемирным банком, АМР США, Тасис и др., эссеист.

Молдова переходного периода: от эпохи выживания – к эпохе возрождения

Я согласна с теми, кто считает, что жить в эпоху перемен – это скорее наказание, чем благословение. По крайней мере, для моей семьи независимость Молдовы, объявленная в 1991 году, стала настоящим испытанием. Думаю, что большинство населения страны тоже не было готово к резким переменам, тем более – к переменам в худшую сторону, которые начались одновременно с провозглашением независимости Молдовы.

Нам с мужем было за сорок, когда в нашей жизни, а также в жизни 4,5 миллионов человек, проживающих в Молдове, началась новая эпоха – эпоха выживания. Индустрия в Молдове стала работать “вполоборота”. Зарплату стали выдавать натуральным сырьем: я приносила с работы домой выданные в счет зарплаты комплекты постельного белья, соседка сверху – резиновые сапоги, а сосед снизу – гвозди. Пришлось на ходу переквалифицироваться в торгашей и менял, чтобы сбывать этот товар, а на вырученные деньги приобретать товары первой необходимости для семьи. Данные навыки пригодились позднее, когда многие предприятия и организации в Молдове начали резко увольнять персонал. Кишинев, столица Молдовы, превратился в большой рынок под открытым небом. Оставшиеся не у дел инженеры, ученые, врачи, учителя стояли на улице бок о бок в мороз, дождь и зной, сбывая с рук то, что могло быть конвертировано в деньги. Газеты и столбы кишели объявлениями по обмену чего угодно на что угодно, например: “Меняю почти новую двухместную палатку на новое свадебное платье” или “Меняю раскладушку в хорошем состоянии на огородный инвентарь”. Слово “бартер” звучало, как “SOS”. Мы с мужем по примеру бывших коллег по работе стали ездить за товаром в Турцию. Сначала привозили только самое необходимое для собственных нужд, а также товар для продажи с тем, чтобы оплатить расходы на дорогу. Впоследствии мы стали специализироваться на ввозе

изделий из кожи. К десятилетию независимости Молдовы этот бизнес стал основным источником дохода нашей семьи: мы с мужем уже имели пару столиков с товаром на самом большом рынке в Кишиневе и нанимали продавцов для сбыта кожаных курток. Ключевыми словами в нашей семье стали: *опт, валюта, базар*, которые заменили слова *поэзия, спектакль, органнй зал*.

Независимость оказалась испытанием и для детей, и для молодежи. Многие родители оставляли своих малых детей на попечение родственников, знакомых, а иногда, и просто на произвол судьбы. Так поступила и наша соседка средних лет, уехав на заработки в Италию и оставив 3-х и 5-ти летних дочек с мужем. Когда я последний раз спрашивала девочек о маме, которую они не видели уже пару лет, младшая сказала, что не помнит, как выглядит мама, а знает маму только по голосу, так как изредка мама звонит из заграницы. Мои собственные сыновья, в первые годы независимости успешно закончив университеты (один – медицинский, второй – педагогический), но не найдя в Молдове места работы с приличным окладом, не стали дожидаться того момента, когда Молдова станет райским уголком. Последовав примеру своих многочисленных сверстников, они уехали из Молдовы и “прижились” за границей. Теперь мы видимся с ними лишь по большим праздникам, когда они приезжают из Израиля навестить нас с мужем. Вернее, когда мы видимся с ними – это и есть для нас праздник.

Независимость оказалась еще большим испытанием для людей старшего возраста, к коим относились и мои родители. После распада Советского Союза пенсионерам Молдовы предложили жить на пенсию, которой едва хватало на оплату коммунальных услуг. Пенсионеры были самыми исправными плательщиками. Правда, чтобы заплатить за квартиру, они были вынуждены экономить на пропитании, что не могло не сказаться на их здоровье.

Правительства в Молдове менялись очень часто, и каждое приходило со своими обещаниями хлеба и зрелищ. Устав от хаоса “государственной новостройки”, который продолжался в стране около десяти лет, граждане Молдовы решили вернуть “старое доброе прошлое”, и в 2001 году на парламентских выборах коммунистическая партия получила большинство мандатов. К сожалению, от этого не стало ни светлее на улицах, ни теплее в домах: горячая вода по-прежнему подавалась в квартиры лишь накануне государственных праздников, а символическое тепло – после того, как жители города уже успевали привыкнуть ходить по дому в валенках и в нескольких свитерах. Я особенно ненавидела ноябрь и март, так как в это время на улице было холодно, а в квартирах тепла или еще, или уже, не было. Электрокамин постоянно кочевал из комнаты в комнату, но это не помогало обогреть жилье. В эти месяцы дома было трудно дышать от избытка углекислого газа, так как включались все конфорки газовой плиты и духовка для того, чтобы хоть как-то обогреть квартиру (или хотя бы кухню, где вся семья собиралась погреться). Однако на парламентских выборах 2005 года коммунисты Молдовы снова получили поддержку населения, правда, на этот раз – более скромную.

Оглядываясь на последние шестнадцать лет, я могу с уверенностью сказать, что за время независимости Молдова стала страной парадоксов. С одной стороны – самое бедное государство в Европе (именно это словосочетание стало ярлыком для Молдовы переходного периода), с другой стороны – огромное количество элитных особняков, дорогих автомобилей, эксклюзивных товаров. В Молдове ежегодно празднуют “День языка”, но за время своей независимости Молдове так и не удалось определиться с тем, что же это за язык – молдавский или румынский, и поэтому в официальных документах он фигурирует просто как “государственный”. В советское время Молдова поставляла фрукты и овощи во многие союзные республики, а став независимой

(но по-прежнему оставаясь преимущественно сельскохозяйственной страной), Молдова начала импортировать эти самые овощи и фрукты из Турции, Польши и других стран. В Молдове увеличили пенсионный порог, в то время как средняя продолжительность жизни упала – в итоге пенсионеры перестали доживать до нового пенсионного возраста. Молдова жаждет туристов, но при этом многие здания исторического центра столицы приходят в запустение и разрушаются бульдозерами, а музеи на протяжении более десяти лет остаются закрытыми.

Думая о Молдове последних лет, нельзя не упомянуть Приднестровье, которое отделилось от Молдовы накануне независимости, сформировав свое отдельное, не признанное никем в мире государство. Разрыв сопровождался кровавыми действиями, и с тех пор Приднестровье у всех на устах – как в Молдове, так и за ее пределами. Конфликт был заморожен, но он по-прежнему привлекает внимание политиков, контрабандистов и журналистов. Наша семья имела дело с этой территорией, в основном, желая проехать на Украину к родственникам, а наши знакомые – с целью приобрести дешевый коньяк или посмотреть футбольный матч на стадионе “Шериф”.

За время независимости Молдова реализовала много полуреформ, псевдореформ, антиреформ. Среди них – административное деление страны, при котором районы Молдовы были объединены в уезды, а через короткое время снова вернулись к системе районов. Или другой пример – массовая приватизация государственных предприятий за боны народного достояния. Подобные недальновидные эксперименты не шли на пользу Молдове. Было упущено много возможностей реально улучшить состояние дел в стране, а главное – утеряно время и человеческий потенциал. Но я искренне надеюсь, что у Молдовы еще есть шансы на то, чтобы, преодолев эпоху выживания, вступить в эпоху *возрождения*.

Россия

Андрей Окара – политолог, эссеист.

Постсоветский Адорай

Некоторые уверены, что миром правят идеи.

Что именно идеи формируют идеологии, мировоззрения, ценности, модели поведения, слова, смыслы, дискурсы, парадигмы восприятия бытия как такового, а также представления о Боге, Аде, Рае, Страшном Суде и Спасении. И лишь уже все это вместе взятое при помощи энергии и воли многих-многих людей, народов и поколений формирует экономику, политику и культуру. Кто-то пошутил, что зимой 1942 года под Сталинградом столкнулись не две армии, а две интерпретации Гегеля – советская марксистско-коммунистическая и германская ницшеанско-национал-социалистическая.

Впрочем, так считают далеко не все: намного больше людей убеждено, что идеи – это выдумка интеллигенции или необязательная “надстройка” над осязаемым миром. Но в контексте русской культуры к идеям принято относиться более чем серьезно и, с определенного времени, крайне осторожно – как к концентрированной соляной кислоте. Представление о том, что главное – это идеи, в России останется незыблемым навсегда. Возможно, именно поэтому родина Толстого, Достоевского и Ленина несколько раз в течение XX века становилась мировым полигоном для чужих галлюцинаций. По одной из версий, “настоящий” XX век длился не с 1901-го по 2000-й, а с 1917-го по 1991-й, то есть начался с Октябрьской революции – когда Россия решилась опробовать на себе социалистические “рецепты”, – и закончился смертью Советского Союза и крахом двухполярного мира – когда Россия решила испробовать, что такое крайний либеральный фундаментализм и “дикий капитализм” в редакции Адама Смита – привет из XVIII века.

Я стал задумываться о том, что идеи правят миром, как раз незадолго до развала СССР.

Мне тогда не давал покоя один вопрос: кто все-таки прав не просто в историческом и политическом, но в метафизическом измерении – “красные” или “белые”? Царь или Ленин? Сторонники советского государства или те, кто против? И где и когда был Рай, а где Ад: до советской власти, при ней или после? Да, разумеется, “красные” – убийцы и кровопийцы, но если дореволюционная Российская империя была такая замечательная, почему она не выдержала испытаний?

Многим советским людям в начале 1990-х казалось, что их жизнь в СССР была настоящим Адом, и что необходимо только избавиться от монополии коммунистической идеологии и коммунистов у власти, как сразу все вокруг станет, как в Европе или Америке: счастье, радость и сплошной Эдемский Сад.

В средневековой христианской литературе был популярен жанр “хождений” – описаний монахами и мирянами своих паломничеств во Святую Землю, в Иерусалим, ко Гробу Господню. В конце 1980-х в советских газетах и по телевизору этот жанр воскрес: появились удивительные сюжеты о том, как некие советские граждане, впервые приехав на Запад и придя в супермаркет, падали в самый настоящий обморок от одного только вида изобильного прилавка со ста пятьюдесятью сортами сыра и двумястами сортами сырокопченой колбасы – почти как средневековые паломники в порыве религиозного экстаза. Теперь даже вспоминать о таком прозелитизме смешно – теперь мы умные и знаем, что эти колбасы отличаются друг от друга лишь набором ароматизаторов, эмульгаторов, консервантов и заменителей из генетически мутированной сои. Но тогда казалось: земной Рай есть! Его не может не быть!

Когда я впервые в своей жизни накануне московской Олимпиады-80 попробовал “Кока Колу” – из красной банки с похожим на чеку гранаты кольцом сверху, – ощущение было, словно отхлебнул из Чаши Грааля.

Другая же часть советского общества – в основном те, кто любит ушами, а не глазами, – с трудом верила в существование Рая на земле. Да, Советский Союз – это не Рай (хотя было немного и таких, кто думал, что Рай!), но с его крушением наступит настоящий Ад.

Когда в 1990 году отменили пресловутую шестую статью Конституции СССР (о руководящей и направляющей роли КПСС) и все вокруг говорили, что вот-вот наступит если не Рай, то, по крайней мере, “нормальная жизнь”, я пребывал в печали: стало очевидным, что дни Советского Союза и всех его реальных достижений сочтены. Не то чтобы мне было его очень жаль психологически – для этого я не имел, с чем сравнивать. Мои “лучшие годы” просто не успели пройти при советской власти. Но уже тогда было понятно, что без государства начнется первобытный хаос, война всех против всех и демодернизация. И не факт, что в этой войне выживут сильнейшие и лучшие – скорее, наоборот. Впрочем, надеяться теперь приходилось лишь на себя да на божественный Генератор Случайных Чисел.

Мои родители никогда не были коммунистами – объективно говоря, беспартийность помешала им сделать выдающиеся карьеры (они работали ракетными инженерами на оборонных предприятиях). Более того, по обеим ветвям родового древа членов компартии у меня не было вообще – с определенного момента я этим даже гордился. Интеллигенты и царские чиновники, раскулаченные крестьяне и расказаченные казаки, жертвы сталинского террора и Голодомора 1933 года, мои предки просто не оставили мне возможности любить коммунизм и советскую власть. Но мои родители не были и либеральными интеллигентами-диссидентами – не держали фигу в кармане, не боготворили Окуджаву и Галича, не интересовались подробностями процесса над Даниэлем и Синявским. С раннего детства я слышал вокруг себя иной набор имен: Тарковский, Федоров (философ-“космист”, придумавший теорию

“воскрешения отцов”), Флоренский, Циолковский, Олесь Бердник, Рерих, Чижевский, Высоцкий, Шукшин, Валентин Распутин, Лосев, Андрей Рублев, “русская философия”, “обратная перспектива”, “ноосфера”, “град Китеж”.

Поэтому мое понимание жизни, моя модель бытия отличались от этих двух: я считал, что и в советском, и в досоветском бытии есть признаки и Ада, и Рая, но на наших глазах рождается что-то принципиально иное – один большой постсоветский Адорай, где все смыслы смешаны и растерты в порошок.

Парней моего года рождения уже не брали в Афганистан и еще не брали в Чечню, поэтому понюхать смерти и чем-то пожертвовать ради государства и “общего блага” в реальных экстремальных условиях нам не пришлось. Зато вскоре жизнь вокруг стала напоминать сплошной экстрим.

Первой жертвой пал бойфренд одной моей приятельницы по МГУ: его, удачливого первопроходца “дикого советского капитализма”, взорвали в машине еще при поздней советской власти – в 1990 году радиоуправляемой бомбой; молодой человек занимался скупкой каких-то “мертвых душ” (кажется, перепродажей “цветмета”: эпоха, когда абрамовичами, ходорковскими и березовскими становились на воровстве газа, еще была впереди). Увы – уровень конкуренции на этом “рынке” оказался выше возможностей выживания. Сама девушка стала вдруг религиозной и долго мучилась, вызывая ироничный смех подруг: куда же попала его душа – в Ад или в Рай? Аргументов за каждую из версий, особенно за первую, было предостаточно. Потом она взяла на своем геологическом факультете академический отпуск и уехала в экспедицию куда-то в северный Казахстан – искать один редкий и суперценный минерал. Этот блеклый с зелеными прожилками камень был особо популярен среди ранних “новых русских” – почти как малиновые пиджаки: его распиливали тонкими пластинами и облицовывали офисы –

по тем временам это был писк! На заработанные деньги купила новую квартиру на Юго-Западе Москвы, вышла замуж. Ее первого законного мужа расстреляли из “калашника” ночью около этого самого дома.

Кажется, перепутали с кем-то другим.

Потом пошла череда загадочных смертей и расстрелов – людей, которые не были моими друзьями, но которых я знал, с которыми учился или пересекался: так “бойцы” новой эпохи боролись за идеи капиталистического Адорая. Теперь ясно: это была самая настоящая гражданская война – ее “зеленоармейцы” умирали за доллары и за торжество капиталистического “нового мира” с таким же фанатизмом, как когда-то красноармейцы за торжество коммунистического Рая.

Последний отзвук той канонады 1990-х прозвучал уже в иную эпоху: моего однокурсника, чудом выжившего в период первоначального накопления и вторичного передела, далеко от Москвы – в Киеве – настигла снайперская пуля. Стрелок-виртуоз с трехсот метров попал в сердце – в тот самый момент, когда парня под конвоем выводили из зала суда в глухой двор.

Это государство было бы несправедливо рассматривать только как воплощение коммунистического бреда или социалистической теории. Его надо рассматривать как альтернативный западноевропейскому проект модернизации, проект преображения реальности. В некоторых моментах этот проект был успешен (например, в космосе и в глубинах океанов), но в других (преимущественно на земле) – нет, иначе существовал бы до наших дней. Сталин – тиран и убийца, но он принял СССР с сохой, а оставил – с атомной бомбой. Ельцин принял Россию с атомной бомбой, а оставил фактически и без бомбы, и без сохи.

Есть известный анекдот о Шекспире: некое юное дарование пришло к гениальному драматургу и говорит – мол, я тоже пишу пьесы и мечтаю стать таким же великим, как и вы! На что тот простодушно отвечает, что сам хотел стать Богом, а стал всего-навсего Шекспиром. “Каким же фуфлом станешь ты, молодой человек, если мечтаешь стать всего лишь мною?”

Нечто подобное происходит и со странами.

Пока они в своем развитии движимы великими идеями, миростроительными проектами, сияющими утопическими идеалами Рая на Земле, в них еще есть какой-то прок. Но как только они начинают декларировать ценности комфорта, наслаждения, благосостояния и “нормальности”, у граждан исчезает мотивация в служении такому государству. Ну а вскоре куда-то рассасывается и само благосостояние.

Когда государство готовится к войне, вовсю работает генератор развития: оборонная промышленность мобилизует фундаментальную науку, высокие технологии, “подтягивается” и высшее образование. В результате и людишкам кое-чего перепадает.

Как бы нам не отвратительно было советское государство, но приходится признать, что оно до определенного момента ориентировалось на развитие. Почти все постсоветские страны ориентированы лишь на потребление. Путинская Россия чаще всего такое “развитие” лишь симулирует. Характерно, что при Владимире Путине в управлении государством оказались востребованы две профессии: спецслужбисты и пиарщики. Первые по прошлой жизни умели делать одномоментный “страх и трепет”, вторые – симулировать реальность. Но до подлинной реальности никому из них дела не было.

Главная тенденция постсоветского Адорая – всеобщая демодернизация, отказ от идеи развития. Московский завод, на котором

работали мои родители и где производили совершеннейшие в мире межконтинентальные ракеты, настигла “конверсия”: сначала там принялись выпускать аппараты по производству бубликов и баранок. Но что-то с бубликами не заладилось – вскоре часть пустовавших помещений сдали под склад итальянской обуви.

Еще один адорайский “датчик смерти” – это новая культура развлечений и новый, потребительский, стиль и смысл жизни. Нас учили по-новому отдыхать и развлекаться, но никто не учил нас по-новому работать. Запад был красивым кадром из видеомэгнитофона, но вовсе не средоточием той самой протестантской этики, которая заставляет работать, работать и еще раз работать и которая, в конечном итоге, позволила ему построить эффективную экономику.

Возможно, мы и вправду живем в финальной части Последних Времен, поэтому время неумолимо сжалось и бытие со всевозрастающим ускорением несется к последней точке, к концу, к пропасти, к небытию, и нам даются некоторые средства, позволяющие угнаться за разогнавшимся временем: Интернет, электронная почта, мобильные телефоны, реактивные самолеты, изобилие вещей.

Коммунистическо-гностическая духовность и бестелесность, помноженная на литературоцентризм русской культуры, дали колоссальный эффект.

Советская власть культивировала статус писателя в первозданном архаическом виде. Писатель – как повелитель стихий, как властитель дискурсов, как создатель уникальных миров – на советском “новоязе” это называлось “инженер человеческих душ”.

Случилось 19 августа 1991 года, и жизнь изменилась в одночасье.

Писатели из “властителей дум” превратились в маргинальных идеологов и недоинтеллектуалов, а их словеси на глазах из жемчужин истлели в

кальциевую накипь, из золота – в свинец, из алмазов – в графитную пыль.

Разумеется, это не дело литераторов – придумывать планы развития страны. Это дело экономистов и политологов. Но писатели, особенно, в России, как тогда считалось, просто обязаны формировать общий вектор движения: в Ад? в Рай?

Они, радители Святой Руси, выбрали Адорай.

Согласно одному политическому “апокрифу”, еще перед первыми российскими президентскими выборами к Солженицыну в его американский Вермонт явились посланники “сил национального возрождения” – мол, Александр Исаич, пора Россию обустривать! Только Вы с Вашим авторитетом и популярностью можете быть избраны президентом России и составить альтернативу раскрученному Ельцину – спасите Родину от разрушения!

Но “вермонтский затворник” незадолго перед тем получил какой-то огромный белогвардейский архив и был крайне увлечен его разборкой: какая там российская политика, какой Ельцин, когда тут такие залежи той самой дореволюционно-эмигрантской России, которую мы потеряли?

В Россию он приехал несколько лет спустя, весной 1994 года – уже после 19 августа 1991-го и расстрела Белого дома в октябре 1993-го. Его приезд был трагичен именно своим постмодернистским комизмом: с одной стороны, вернулся Пророк, Учитель жизни, Человек-легенда, почти Мессия. Но, с другой, от него стали отмахиваться: вернулся человек, живущий в парамельном мире и принявшийся оттуда доставать всех своими моральными поучениями. Наиболее точной оказалась чья-то смешная пародия на него, произнесенная с американским акцентом: “Я кушать... Я есть великий русский писатель”.

В новой жизни произошло невероятное для русской культуры: Россия перестала быть страной Слова, а книга стала вещью.

Но идеализация советской эпохи, попытки реабилитации Сталина и Брежнева – это не выход: думать надо о будущем, а не о прошлом. Вопрос лишь в том, можно ли совершить побег из постсоветского Адорая? И в каком направлении бежать?

Ведь этот Адорай придумали и стерегут со всех концов тоже не идиоты – буквально на глазах он несколько раз менял свои очертания: на смену ельцинской адорайской Смуте пришел путинский адорайский Порядок. Хотя многие из тех, кто не доверяет телевизору и любит не ушами, а глазами, сердцем и иными местами, уверены: это не Порядок, а Гламур. Гламур, в котором нет ни боли, ни надрыва, ни страдания, ни смерти, ни морщин, ни лишнего веса. Гламур, в котором все мечты – как “отфотошопенные” картинки из журнала без букв. Гламур, в котором нет тоски по ангельскому пению, в котором бессмертные души умирают навсегда.

Но, кажется, выход из Адорая есть!

Как у Достоевского Бог борется с дьяволом, а поле битвы – сердца людей, так теперь Онтология борется с Гламуrom, а поле битвы – все те же сердца, души, мозги. Уже сложилось целое сообщество заговорщиков, которые мечтают сбежать из этого царства “заложных” мертвецов. А если не получится сбежать, то взорвать его и развеять по ветру. И вместо гламурно-виртуально-“фотошопных” иллюзий посадить новый Едемский Сад, взрастить жизнь-как-она-есть – с болью, страданиями, смертью и воскресением.

Пока эти люди сокрыты, законспирированы и друг друга опознают по тайным знакам. Но пробьет урочный час, придет время “Ч”, и вся эта рать поднимется в борьбе за новую реальность.

И только тогда за рассеявшимся туманом Адорая высветится небольшой краешек Нового Неба и Новой Земли.

Сербия

Михал Рамач – журналист, переводчик, писатель,
главный редактор независимой ежедневной
газеты “Данас”.

Сумасшедшее время в необъяснимой стране

В конце 1990 года, на пороге сорокового года жизни, я, редактор ежедневной газеты, зарабатывал две тысячи немецких марок в месяц. За каждое стихотворение и перевод издатели выплачивали мне пристойные гонорары: среднюю зарплату за авторский лист (40 тысяч знаков). Платили и за участие в литературных вечерах. Благодаря работе на два фронта я отстроил и красиво обустроил и дом с огородом за пятнадцать километров от города. И вот через несколько лет, когда пригородный транспорт стал редкостью, а бензин покупался по чайным ложкам, дорога на работу и назад превратилась в авантюру.

С паспортом Социалистической Федеративной Республики Югославия можно было без визы ездить более чем в сто государств мира. Моя дочь в тринадцать лет летала к тетке в Австралию. Я даже представить себе не мог, насколько драгоценными будут несколько сотен метров рыболовной лески, которые она мне привезла, поскольку в моей стране вскоре не стало даже этого.

В декабре 1990 года в Сербии состоялись первые многопартийные выборы. Уверенно победили бывшие коммунисты во главе со Слободаном Милошевичем. В середине следующего года по всей Югославии шла стрельба. Вечером было опасно выходить из дома, потому что по улицам бродили группы пьяных вооруженных личностей. Они называли себя добровольцами. В конце 1991-го Югославия перестала существовать. В те месяцы к моему дому часто подъезжал милицейский автомобиль или военный джип. Привозили повестку в армию. Это значило, что я должен был идти на войну в Хорватию. Жена открывала им дверь и говорила, что я на работе или уехал. Они никогда не входили, чтобы проверить. Однажды явились и в редакцию. Коллеги сказали, что меня там нет. Часто я спал у друзей. Проблему решил один из них, кардиолог. Несколько дней я лежал в его отделении в больнице, потом он мне выдал справку, что

мне необходимо лечение. С этой справкой я пошел к военным властям и запросил разрешение на выезд за границу. Как только я его получил, тут же сел в поезд на Киев. Добрые люди поместили меня в какой-то интернат. Впервые за несколько месяцев я спал спокойно, без страха, что меня кто-то арестует и отправит на бессмысленную войну. В мае 1992-го, когда я вернулся, сербской армии больше не нужны были мои боевые способности. Она как раз отступала из Боснии и Герцеговины, Хорватию оставила несколько ранее.

Заграничные друзья часто спрашивали, что происходит в моей стране. Почему сербы массово поддерживали закоренелого коммуниста Милошевича в то время, когда остальные восточноевропейские народы рушили коммунистические режимы? Почему сербы начали четыре войны против народов, с которыми семьдесят лет жили в одном государстве? Почему сербы массово ожидают поддержки и помощи от России, а в то же время мечтают жить по-западноевропейски? Почему большинство сербов покинули Косово, а все говорят, что Косово – колыбель сербского народа? Почему, из-за чего, как это возможно?...

Я отвечал, что имеет больше смысла попивать пиво и рассматривать облака, чем пытаться объяснить необъяснимое. Необъяснимого было больше, чем того, чему можно было найти вразумительные причины. Четыре года я был на принудительном отдыхе. Что такое принудительный отдых? Это когда вам запрещено входить в редакцию, в которой вы числитесь на работе, но вы регулярно получаете шестьдесят процентов зарплаты, которая составляла иногда двадцать, иногда даже пятьдесят марок. Если бы сегодня было возможно, я сразу бы согласился на принудительном отдыхе пребывать до пенсии. Средняя зарплата в Сербии сегодня около 300 евро.

Необъяснимым был и феномен пустых магазинов. История не запомнила дату, когда это началось. Из магазинов сначала исчез кофе, потом мыло, стиральные порошки, зубная паста, сигареты, спички, сахар, соль. Все это можно было купить только на улице или на базаре. Там же покупались и пакеты гуманитарной помощи. Европейский союз посылал помощь беженцам и другим социально незащищенным. Вместо того, чтобы распределять помощь среди тех, кому она была нужна, руководители объединений беженцев и социальных учреждений большую часть продавали, а деньги оставляли себе. Так мы покупали европейские консервы, муку, средства гигиены, поддельный виски. На базарах продавалась и военная добыча – предметы, награбленные во время войн в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Грабилось и продавалось все: тракторы, автомобили, телевизоры, посуда, разные инструменты, одежда, церковные иконы, даже книги. Государство делало вид, что этого не замечает. Десятки тысяч людей выжили, продавая по улицам товары неизвестного происхождения. Те, кто их снабжал этим товаром, разбогатели и с благословения государства стали уважаемыми личностями.

Необъяснима и жизнь в гиперинфляции. На протяжении 1993 года все сначала дорожало каждый день. Позже – несколько раз в день. Если вы утром купили пять марок, то вечером были богатым человеком. Если у вас утром были деньги на ящик пива, то в полдень вы на них могли купить только пять бутылок. Вечером – ни одной. Так, за несколько месяцев дошло до банкноты с тринадцатью нолями. Кто имел пять тысяч марок и в нужное время их хорошо вложил, вскоре нажил пятьдесят, а потом и пятьсот тысяч. После первого миллиона никого не спрашивали о происхождении богатства.

В условиях, когда все дозволено, люди теряют ориентацию во времени. Разрушается система ценностей. Университетский диплом можно купить за грузовик сигарет или цистерну нефти. Некий Аркан, сын полковника югославской армии, перед войной преступник, а во время войны – всемогущий главарь банды так называемых добровольцев, перед которыми дрожали и полиция, и генералы, становится народным депутатом и владельцем футбольного клуба, который выигрывает первенство страны. Аркана убили его военные и деловые друзья. На похороны пришел и президент государства, уже упомянутый тут Милошевич. Вдова Аркана, популярная певица и любовница известных личностей, и сегодня живет в нелегально построенной вилле в элитном районе Белграда. Самозванный воевода добровольцев Воислав Шешель на выборах получает больше голосов, чем самый великий из тогда живших сербский писатель Борислав Пекич. Писатель вскоре умирает, воеводе присваивают звание профессора университета, позднее он был и вице-премьер-министром. Сегодня в Гааге его судят за военные преступления.

Большие государственные предприятия исчезают в течение ночи. Присваивают их за небольшие деньги директора, представители политической полиции, ресторанные музыканты, спортсмены, торговцы наркотиками... Рецепт простой: предприятие становится неликвидным, у него нет сырья, нет продукции, приходят какие-то люди и увозят машины, рабочие месяцами не получают зарплаты, объявляется аукцион. Государство делает вид, что ничего не замечает, то есть, что все происходит законным образом, без нарушений.

Сербия выживает вопреки международным санкциям. Запрещен импорт и экспорт почти всех товаров. Но нет такого, что бы не ввозилось и не вывозилось. Ход простой: компания, зарегистрированная на Кипре, перевозит какой-нибудь товар из Венгрии в Грецию. Счет оплачен через

Багамские острова. Международный контроль на границе проверяет всю документацию и приходит к выводу, что все в порядке. Товар транзитом ввозится в Сербию и – здесь и остается. В итоговой цене учтен каждый участник цепочки вплоть до несчастных, которые на солнце и на морозе стоят возле дороги и продают бензин. Директор таможни заявляет, что каждый таможенник имеет право раз в неделю отобрать у контрабандистов бутылку виски и блок сигарет для собственных нужд. Супруга главы государства и правящей партии основывает собственную партию. Профессор, у которого она защищала докторскую диссертацию, получает место посла в Москве. Перед ней дрожат министры, лебезят литераторы и члены академии наук. Среди них всегда найдется достаточно таких, кто за несколько стаканов вина и ужин напишет все, что от них требуется.

В 1998 году я был главным редактором ежедневной газеты “Наша борьба” в Белграде. В один октябрьский вечер в редакцию пришел заместитель министра информации в сопровождении десятка полицейских. Он вручил мне постановление, что газета запрещена, поскольку сеет страх, панику и пораженчество. Всех журналистов выгнали из редакции. Через несколько дней в редакцию явилась группа неизвестных людей. Компьютеры и остальное оборудование погрузили на грузовик и уехали. О краже мы заявили в полицию. Полиция потребовала, чтобы мы указали имена грабителей и свидетелей. В то время никто не был готов быть свидетелем. Через несколько недель в помещение вселилась компания по импорту автомобилей. Ее владельцем был сын главы государства. Дочь президента стала владельцем телевизионного канала.

После всего этого начинаются бомбардировки. Самолеты НАТО с высоты десять тысяч метров точно попадают в мосты, казармы,

отделения полиции, здание государственного телевидения. У сербских противовоздушных ракет дальность полета до трех километров. Министерство обороны каждый день сообщает, что сбито несколько вражеских самолетов. По всем селам и городам кружит одна и та же история: вчера поблизости схвачен сбитый американский пилот, негр. У него в карманах нашли пять тысяч долларов и адрес, по которому он должен явиться. Адрес какого-то проживающего недалеко от места падения самолета хорвата, венгра, всегда кого-то, кто не серб. Пропагандисты, которые запускали такие рассказы, никогда так и не объяснили, почему пилот должен быть негром, почему у него должно быть именно пять тысяч долларов и откуда его командиры знали, где собьют его самолет, давая ему адрес американского шпиона именно из этой местности. Через 78 дней бомбардировок сообщили, что сбито где-то восемьдесят вражеских самолетов. На самом деле был сбит один-единственный. Офицер, который это сделал, позже открыл пекарню. Жизнь идет своим чередом.

Как все это возможно пережить? Пополудни 5 мая 1999 года воздушная тревога в Новом Саде, главном городе автономного края Воеводины на севере Сербии, продолжалась несколько часов. Бомбили казармы на окраине и нефтеперерабатывающий завод. Земля дрожала от бомб и противовоздушных орудий. Мы с коллегами сидели в канцелярии Независимого общества журналистов. На улице через дорогу от нас больше ста человек спокойно стояли в очереди - в киоск завезли сигареты. Один коллега прибежал с новостью, что в магазин неподалеку завезли пиво. Побежали туда и те, кто не пьет пива. Потом таксист нас бесплатно возил посмотреть на последствия бомбежки. Бомбы пролетели мимо казармы и попали в жилой дом. Погибших не было.

Пиво и сигареты всегда как-нибудь можно было достать. В селе, где я жил, почти каждый вечер мы с соседями сидели во дворе и готовили что-нибудь особенное. Не было никакого различия между учителями,

врачами, земледельцами и рабочими закрытой фабрики: кто-то принес мяса, кто-то картошки, помидоров, фасоли, ракии... Мы жили, как будто каждый день для нас последний. По мрачным улицам как сумасшедшие мчались военные автомобили. В ночь, когда объявили, что бомбардировки завершились, пальба продолжалась больше часа. Стреляли из всех ружей, автоматов, из противотанковых пушек. Сотни солдат, которые были размещены в окрестных полях, таким образом выражали свою радость. Во время бомбардировок парламент проголосовал за декларацию об объединении Сербии с Россией и Белоруссией. Из Москвы и Минска ответ никогда так и не пришел.

Через полтора года, 5 октября 2000 года, был свален режим Милошевича. Незнакомые люди целовались и обнимались на улицах и выкрикивали: “Он готов!” Началась демократия. Люди, которые из оппозиции десяток лет обещали свободу и исправление всех несправедливостей, спешили получить вознаграждение за свое долготерпение. Кто-то спешил получить пост в министерстве, кто-то в местной власти, кто-то в бизнесе. Никто из них не вспоминал их главный лозунг: “Воры будут в тюрьмах, сумасшедшие – в сумасшедших домах”. Богачи, которые поднялись под Милошевичем, выразили лояльность новой власти. Немножко словами, но больше наличными. Когда первый демократический премьер серьезно прижал политическое и финансовое подполье, его убили члены специальной полиции Милошевича. Большинство бывших сотрудников государственной безопасности и сегодня авторитетные личности. Живут в фешенебельных вилах, в элитных белградских кварталах. Живут роскошно, хотя неизвестно, чем они занимаются. Когда пишут о мафии, газеты не вспоминают ни одного имени. Разрешены лишь формулировки – сомнительные бизнесмены

или – крутые ребята с белградского асфальта. Это те, о которых не известно, как они получили первый миллион. Они ездят в бронированных автомобилях в сопровождении телохранителей. Свободно путешествуют за границу. Желтая пресса с продолжениями, которым нет конца, пишет об их бурных биографиях: как они росли в бедности, какие они искренние патриоты, какие они истинные православные, как далеки они от политики. Ангелы с человеческим лицом и панцирями под рубашками. Грязные дела для них делают двадцатилетние. Те, что лишены этических предрассудков, со средним материальным положением, с законченным средним образованием. Общественности и полиции не известны исполнители около 500 нераскрытых убийств за последних десять лет. Жизнь идет своим чередом.

Через семь лет после установления демократического строя один министр вдруг вспомнил, что нужно принять закон о проверке происхождения собственности тех, кто покупает государственные предприятия. Большинство предприятий давно продано. Частники раскупили центральные, региональные и местные телевизионные каналы и газеты. Все делалось по закону. Каждый может опубликовать и написать все, что хочет, пока слушается тех, кто ему платит. Если возможно купить прокурора, судью и профессора, то журналиста можно купить еще за меньшие деньги.

Милошевич похоронен во дворе дома своей невменяемой супруги. Она живет в Подмоскowie. Их сын – недалеко от нее. Дочь живет в Черногории. Два министра полиции времен Милошевича совершили самоубийство. Некоторые его близкие сотрудники сидят в тюрьмах или ждут приговора. Другие сидят в парламенте, государственных институциях или частных компаниях. Жизнь идет своим чередом.

В социалистической Югославии все двери открывал партийный билет. Сегодня партий много. Партийные билеты и сегодня творят чудеса. Партия помогает человеку открыть киоск, книжный магазин или супермаркет, купить строительный участок и построить здание на пятьдесят квартир, в которых квадратный метр стоит две тысячи евро. Партии через своих людей присуждают своим людям литературные премии, обеспечивают залы галерей и стипендии. Кто не имеет партийного спонсора, напрасно пишет книги, напрасно предлагает прекрасные сценарии, напрасно рисует. Люди искусства во время распада государства, войн и переходного периода заплатили жестокую цену. Некоторые – добровольно выехав за границу. Некоторые – написав оды Милошевичу. Некоторые – заискивая перед каждым, кто имеет немного власти и денег.

Существует чудесный сербский анекдот на эту тему. Стоит человек на улице и читает газету. К нему подходит знакомый и спрашивает, о чем пишут в газете. Умер NN, говорит тот. “А кем он был?” – спрашивает знакомый. “Он был нашим писателем”, – говорит человек с газетой. “А кто теперь будет нашим писателем?” – спрашивает знакомый. В начале ноября 2007 года газеты писали, что на открытии самого большого белградского мегамаркета присутствовал и писатель Добрица Чосич, которого так называемые патриотические силы именуют “отцом нации”. Когда-то он был партизанским комиссаром, позже – членом Центрального комитета компартии, еще позднее по воле Милошевича – фиктивным президентом государства... Книжную ярмарку в Белграде в этом году за семь дней посетило около 200 тысяч людей. Столько в летнее время каждый день бывает на самом большом белградском пляже на реке Саве.

Историки, которые в социалистической Югославии писали о братстве и единстве южнославянских народов, сегодня в каждой новой книжке открывают новые различия между сербами и хорватами и новые конфликты в недавнем и более отдаленном прошлом. Недавно историки

выяснили, что македонцы и черногорцы – это искусственные нации, что не существует хорватского языка, что хорваты – это потомки “окатоличенных” сербов.

Двадцать лет назад я жил в стране, где после получения университетского диплома можно было найти пристойную работу. Земледелец после жатвы пшеницы мог с семьей поехать на две недели на море. Заводской рабочий мог получить кредит на постройку дома и аккуратно его выплачивать со своей ежемесячной зарплаты. Сегодня дипломами размахивают многие, кто и дня не провел в университете. В Сербии есть около 200 сел, в которых не осталось ни одного жителя. Крестьянин может как-нибудь прокормить семью, но не более того. Некоторые бизнесмены имеют по двадцать тысяч гектаров земли и больше. А заводской рабочий или учитель, если они живут только на зарплату, не могут за весь свой трудовой век заработать достаточно, чтобы купить квартиру или построить дом. Все, что они могут, так это только прокормить себя и свои семьи. На улицах, где когда-то были магазины и мастерские ремесленников, сегодня стоят стеклянные палаты иностранных банков.

Двадцать лет назад я жил в предсказуемом государстве, где каждый занимался своим делом: и профессор университета, и водитель грузовика, и политический функционер. Жизнь была прозрачна и понятна, она поддавалась планированию. Мой приятель Янко, электромеханик, работал на железной дороге и хорошо зарабатывал. Однажды он решил уйти с работы. Он объяснил, что руководящие посты заняли непрофессиональные люди, которые приказывают выпускать в рейс неисправные вагоны и локомотивы. Объяснил, что в мастерских нет запасных деталей, что никто ни за что не отвечает, что инструменты из мастерских давно украдены и это никого из начальства не волнует. Средняя скорость поездов в Сербии

сегодня составляет около 30 км в час. Янко стал частником: ремонтирует электрические аппараты, возделывает несколько гектаров земли, своим трактором и комбайном оказывает сельскохозяйственные услуги. Его дочь закончила фармакологию и уехала за границу. Переходный период помог Янко начать жить за счет собственного труда и жить лучше, чем на государственной фирме. Он работает по 12 часов в день. У него нет ежегодного отпуска. Он не верит ни одному политику. Не ходит в церковь. Не может завершить день без нескольких бутылок пива.

Большинству его пятидесятилетних ровесников повезло намного меньше. У них нет постоянной работы или же они работают в теневом секторе экономики, без социальных гарантий. На пиво как-нибудь зарабатывают. Воспитание и образование детей они не считают своей обязанностью. Не верят политикам. Не верят в Бога. Матерят все подряд.

Поезда в Сербии регулярно опаздывают уже двадцать лет. Нет больше самоуправленческого социализма. Еще нет капитализма. А мы все еще в поезде, выбившемся из расписания не на часы, а на годы.

Ваше здоровье!

Таджикистан

Наргис Зокирова – журналист, эссеист,
корреспондент IWPR (британский Институт
проблем войны и мира).

Холодная зима 2008 года

Распад СССР и начало гражданской войны в Таджикистане совпали с моим 14-летием. В начале мы еще не знали, что эта война унесет с собой более 150 тысячи жизней, а моя страна в своем развитии будет отброшена на десятилетия назад. Я очень хорошо помню эти тяжелые годы как для страны, так и для моей семьи.

В конце 1991 года первые всенародные президентские выборы в независимом Таджикистане выиграл Рахмон Набиев, бывший руководитель Компартии и представитель “ленинабадского” (северного) клана, что фактически означало сохранение положения, существовавшего при советской власти.

На протяжении нескольких месяцев после выборов в стране поддерживалось хрупкое равновесие сил – Рахмон Набиев старался соблюсти и модные в те времена нормы демократии, и в то же время по инерции вести социалистическую экономику. Хотя с развалом СССР делать это было уже практически невозможно. Очень скоро на столичной площади Шахидон начались многотысячные митинги протеста против “коммунистов”, участники которых в основном были выходцами из Каратегинской долины (Гарм) и Бадахшанской автономной области (Памир). Их противниками (формально – “Общественным комитетом по защите конституционного строя”) был организован альтернативный, проправительственный митинг на площади Озоди (бывшая пл. Ленина), где собрались выходцы из Куляба.

В народе сторонников оппозиции называли “вовчиками”, а представителей проправительственного народного фронта – “юрчиками”. В этот процесс были вовлечены как взрослые, так и молодежь, и даже дети. Жители нашего дома неформально разделились на сторонников “вовчиков” и “юрчиков”. Соседи перестали общаться друг с другом, и каждая семья стала дружить исключительно с теми, кто занимал их

позицию. Мне помнится, как моя младшая сестра, однажды играя во дворе со своими сверстниками, а ей тогда было шесть лет, стала свидетелем небольшого конфликта, произошедшего между ребятами, которые были намного старше ее по возрасту. Конфликт произошел на межнациональной почве между сторонниками так называемых “юрчиков” и “вовчиков”, и ей было просто необходимо занять чью-либо сторону, так как это сделали другие дети. Она не знала точного ответа, кого поддерживает наша семья, и тогда она прибежала домой и взволнованным голосом спросила у мамы, на чьей стороне наша семья, за “юрчиков” или “вовчиков”, а матери ничего не оставалось, как ответить, что мы никого не поддерживаем.

Я помню бессонные ночи моей матери, которая с тревогой в сердце дожидалась моего отца. По профессии он – хирург, и по долгу своей службы в то тяжелое время ему приходилось до глубокой ночи задерживаться на работе и оказывать пострадавшим из обеих конфликтующих сторон медицинскую помощь. Бывало, что за ним приезжали люди в камуфляжной форме с оружием в руках и увозили его в больницу на экстренные операции, а нам оставалось молиться, чтобы он вернулся домой живым, так как его жизнь зависела от исхода проделанной им операции.

В тот сложный период мои родители категорически запрещали мне выходить на прогулки, так как по всему городу разгуливали боевики. Они насиловали девушек, могли поколотить не понравившегося им прохожего, самовольно занимали пустовавшие квартиры, а на рынках и в магазинах требовали выдать им бесплатно продукты.

Некоторые жители столицы, в основном северяне, начали в срочном порядке перебираться на север страны – в Согдийскую область, где было относительно спокойно. В Душанбе начали огромным потоком мигрировать жители кишлаков и райцентров из восточной и южной

части страны, где разгорались основные боевые действия. Кто-то снимал квартиры, кто-то покупал их по дешевке у русскоязычного населения, которое покидало Таджикистан. Более полутора миллиона таджикстанцев стали вынужденными беженцами.

После взятия в ноябре 1993 года Душанбе сторонниками нынешнего президента ситуация на фронтах стабилизировалась. Фактически, основная часть войны закончилась к лету 1993. Однако около одного миллиона жителей нашей страны, в основном сторонников оппозиции, оказалась на чужбине, в соседнем Афганистане. В 1997 году между противодействующими силами было подписано мирное соглашение. Президентом Таджикистана остался сторонник светского правления Эмомали Рахмонов, однако и оппозиция получила места в правительстве и бывшие боевики оппозиции вошли в состав армии. Начался процесс возвращения беженцев из Афганистана.

К этому времени я училась на третьем курсе университета, и уже тогда мне пришлось искать работу, так как мне хотелось помогать родителям и хоть как-то экономически поддерживать их. Заработка моих родителей не хватало на нашу жизнь, и такое положение испытывали большинство таджикских семей.

Моему старшему брату пришлось бросить учебу в медицинском университете и выехать на заработки в Россию. Он получил статус трудового мигранта, как и около одного миллиона таджикстанцев.

Экономическая ситуация в моей стране конечно же улучшилась по сравнению с тем, что было на заре 90-х годов. Хотя власти заявляют, что уровень 1991 года – самого расцвета таджикской экономики – мы можем достичь не ранее 2015 года.

Говорят, что каждое время года прекрасно по-своему, но не для меня. Последние годы я перестала любить зиму. Это время года ассоциируется для меня с холодом, темнотой и свечами. Это именно тот период времени, когда людям приходится выживать в экстремальных условиях в связи с ограниченной подачей электроэнергии в стране. Нынешняя зима, а в частности – конец января и февраль, пожалуй, были самыми сложными месяцами для населения. В Душанбе электричество подавалось всего лишь на несколько часов в сутки, а в районах и кишлаках его не было и вовсе. Ситуация осложнялась тем, что Таджикистан в это время постигли небывалые морозы.

Сейчас мои родители с тревогой ждут рождения нового внука. Нам остается только молиться, чтобы в момент рождения малыша не отключили электричество, и чтобы он родился здоровым.

Туркменистан

Мурад Айтаков – журналист, эссеист.

Независимость по-туркменски

Реальный вкус независимости власти Туркменистана почувствовали только тогда, когда обезопасили себя от неминуемого восстановления СССР. Тогда, в 1996 году, на предстоящих выборах в Государственную Думу России коммунисты имели реальный шанс прийти к власти. Именно из-за боязни прихода к власти в России коммунистов был придуман “статус постоянного позитивного нейтралитета” Туркменистана. И этот статус закрепил неучастие страны в любых блоках и союзах и стал одним из любимых фетишей президента Ниязова. И именно статус нейтралитета, принятый в самом конце 1995 года, стал “точкой невозврата” к советскому прошлому и, собственно, с него настоящая независимость Туркменистана обрела свой смысл. Насколько дорог был этот “нейтралитет” для самого Ниязова, можно судить по тому, что самый величественный, высокий и кичливый памятник своей эпохи Ниязов соорудил именно в честь “нейтралитета” – трехногая “Арка Нейтралитета” украшает столицу страны. Недалеко – позолоченная 15-ти метровая статуя самого первого президента Ниязова, вращающаяся вокруг своей оси вслед за солнцем.

А что народ? Наверное, первые ощущения независимости своей страны появились у людей даже не тогда, когда были явлены первые атрибуты государственности: декларации, конституция, президент. И даже не тогда, когда ввели в обращение национальную валюту, а в тот момент, когда власти ввели визовый режим со всеми странами СНГ. Вот тогда, полностью отрезанные от остального мира, люди оценили и поняли, что вот она – независимость. Причем отрезанность ощущалась не только в невозможности просто взять билет и полететь в Алма-Ату или Ташкент, Москву или Киев. В это же время полностью прекратилось вещание телевизионных каналов из-за рубежа, была запрещена подписка на иностранные газеты и журналы. Если независимость – то независимость и от любого чужого влияния. Народ привык к отсутствию газет и журналов,

но дома ощетинились чешуей спутниковых антенн, и даже далеко в пустыне, где нет электричества, ради новостей и сериалов люди запускали движки электрогенераторов, чтоб немного вдохнуть удовольствий чужой информационной свободы. Кажется, что нигде на территории стран бывшего СССР отчуждение народа от власти не достигало такой огромной дистанции.

Власть придумала даже государственную программу “10 лет благополучия”. Чуть позже, когда с благополучием не сложилось, этот же период в 10 лет назвали государственной программой “10 лет стабильности”. Ну, а когда власти полностью уверовали в послушность и внешнюю лояльность народа, был провозглашен лозунг “XXI век – Золотой век туркменского народа”. Сам Ниязов, приняв титул “Туркменбаши” (Глава туркмен), широким жестом объявил в стране “бесплатный газ, воду, электричество и соль”. Но эта забота о народе означала только одно – власть не собирается создавать нормальные условия для конкурентного роста “среднего класса”, оставляя народ в зависимости от государственных подачек и под государственным контролем.

Настоящей трагедией для всей интеллектуальной элиты Туркменистана стала ликвидация Академии наук. Ниязов старался полностью уничтожить гнездо фрондирующих и свободомыслящих интеллектуалов. Такая же стерилизация коснулась высшего и среднего образования, где основным предметом изучения была введена книга Ниязова “Рухнама”. Вобравшая в себя смесь мифов и легенд о происхождении туркменского народа, трактовки самого Ниязова национальных обычаев и ритуалов, его личной биографии, эта книга навязывалась к изучению не только в институтах и школах, но и всему обществу. На всех предприятиях и учреждениях изучали “Рухнама”. Сдача любых квалификационных

экзаменов подразумевала вопросы по содержанию этой книги, включая сдачу экзаменов на право вождения автомобилем. Этой книге воздвигли 10-метровый памятник, а сам Ниязов дошел до богохульства, публично пообещав, что прочитавший “Рухнама” три раза попадет в рай, и он сам просил Алаха об этом.

Трудно себе представить моральное состояние общества, которому тотально и на протяжении нескольких лет вбивалась в голову идея богоизбранности его лидера, о гениальности его книги и безошибочности его решений. К сожалению, стараниями иностранных журналистов Ниязова-Туркменбаши свели до роли комичного персонажа, увешанного многочисленными перстнями неимоверных размеров и уставившего всю страну своими дубликатами из бронзы, мрамора и гипса. Это большая ошибка. Без всякого сомнения, он являлся выдающимся государственным строителем. Менее чем за 10 лет он сумел из страны, еще помнившей вольницу СССР времен “перестройки” и имеющей самый высокий удельный образовательный уровень в СССР, сделать современный эрзац средневековой сатрапии.

Тем временем народ стоически переносил все тяготы и лишения “независимой” и “нейтральной” жизни. Несмотря на валютный дождь, который проливался на страну в виде платежей за природный газ, Ниязов раз за разом урезал своему народу жизненное пространство. Именно по его инициативе сроки обучения в школах были сокращены до 9-ти лет, а в ВУЗах до двух-трех. Многие пенсионеры лишились своих пенсий, нещадно сокращалось количество учителей и медицинских работников и всех прочих, кто, по мнению Ниязова, был обузой для государственного бюджета. Но, с другой стороны, как истинный хозяин страны, он продолжал украшать свою столицу циклопическими постройками,

облицовывал все мрамором, безжалостно сносил целые кварталы частного жилья, выкидывая людей на улицы, но он строил целый город именно как памятник себе самому. Город, который бы обслуживал его государственную машину, город, в котором жители прячутся по домам после 9-ти вечера как лишний элемент интерьера, а на улицах нет никого, кроме постовых полицейских, стоящих в прямой видимости друг от друга.

Но все когда-то кончается. Знакомое чувство всех, кто в сознательном возрасте жил в СССР и пережил “револьверную” смену правителей, обуяло жителей Туркменистана, когда Ниязов почил в бозе. Они застали живым “посланца Алаха” и были уверены, что “вечно великий Туркменбаши” будет жить, если не вечно, так долго. И еще одна гримаса жизни: незадолго до кончины Ниязов прибавил к своему титулу еще слово “Вечный” и в окончательном варианте он официально звучал как “Вечно Великий Сапармурат Туркменбаши”. А, кроме того, закончил строительство собственного мавзолея, родовой усыпальницы, куда собрал прах своих ближайших родственников. На том и успокоился. Навечно.

Оставшийся сиротой туркменский народ страдал недолго. Специально для него окружение Ниязова вылепило нового “гениального президента-реформатора”, как сейчас называют наследника Ниязова Гурбангулы Бердымухамедова.

Со смертью Ниязова людям казалось, и до сих пор они в это верят, что вот-вот подуют свежие ветры и хоть что-то изменится в жизни туркменского народа. Ведь с приобретением страной независимости и за все время ее существования, народ не получил главного – свободы.

Узбекистан

Дмитрий Аляев – журналист, эссеист, шеф-редактор центральноазиатского интернет-журнала “Оазис”, корреспондент центральноазиатской службы радио “Немецкая волна”.

От комбайна к уюту

...В Москве был путч. Теплым летним вечером я возвращался домой. Небольшой дворик нашей пятиэтажки располагался несколько особняком от остальных жилых построек и чужих там обычно не было. На лавочке у нашего подъезда в пустынном дворике сидели мои родители. Я поймал себя на мысли, что уже очень давно – я даже и не помню, с какого именно времени – я не видел родителей вот так вот мирно и умиротворенно сидящих вместе на улице. Они дышали воздухом и думали каждый о чем-то своем, и мысли их, видимо, перекликались и были для них приятными. Я подошел поздороваться. Отец, ответив мне, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес: “Ну, вот и все. Все вернулось. Теперь будем жить, как прежде”. Без уточнения я понял, что он говорит о московском путче...

Период распада Советского Союза был достаточно странным временем. Неясные надежды времен горбачевской перестройки сменились всеобщей растерянностью: ведь никто даже в самых смелых прогнозах не мог предположить, что СССР развалится с такой скоростью и так безвозвратно. Все еще ждали чего-то. Мои друзья-узбеки из интеллигентных семей ждали, что к власти наконец-то придет достойный политик, узбеки из областей надеялись, что скоро избавятся от диктата Москвы (именно в этом они видели все причины своих бед). И те, и другие были уверены, что теперь-то Узбекистан и станет процветающим и богатым государством. Так называемое “русскоязычное население” страны, к которому относился и я, ждало погромов и резни. При этом слухи о неминуемой резне “неверных”, мне кажется, распространялись самими “неверными”, либо, как утверждается сейчас, спецслужбами. Как бы то ни было, но ничего подобного в массовых масштабах в Ташкенте не происходило. Доходило до смешного: после очередных слухов о предстоящих беспорядках даже троллейбусы курсировали по городу не в одиночку, а парами. Но все это смешно, когда видится со стороны. Все эти слухи рождал обыкновенный недостаток информации. Говорили об Ошских

событиях, но говорили невнятно и часто неправдоподобно. Тем не менее, я видел, как от школы милиции, которая располагалась в самом центре столицы, уходили куда-то автобусы, битком набитые хмурыми курсантами. Говорили о крупной катастрофе, которая случилась в области, и во время которой сгорело несколько автобусов с людьми. Но это никак не влияло на умонастроения жителей, так как это были слухи. Впрочем, не слухи, а кое-что совсем иное. Тогда мой малолетний ребенок заболел гепатитом (обычная болезнь многих детей детсадовского возраста того времени) и я ходил к нему каждый день после работы в больницу, где он лежал со своей матерью. В ту самую больницу, кстати, которая была описана Александром Солженицыным в его повести “Раковый корпус”. Так вот именно тогда, когда и прошла информация о трагедии с автобусами, два вечера подряд, после захода солнца к ожоговому корпусу больницы съезжались кареты “скорой помощи”, из которых сгружались десятки носилок с обгоревшими телами. Съезжались после захода солнца для того, чтобы было меньше свидетелей масштабов этой трагедии. Там не было родственников, им просто не говорили, куда именно везут пострадавших, и эта деловитость и немногословность при разгрузке, пожалуй, больше всего угнетала, и угнетала больше, нежели те страхи, о которых рассказывали в очередях.

Но все это было позже... А тогда, в конце 80-х годов прошлого века Ташкент действительно жил в ожидании перемен. Кому-то они казались чем-то страшным, кому-то рисовались в радужных тонах. Разумеется, на острие вольнодумия была молодежь. Я разговаривал в ту пору с одним из моих однокурсников, который учился в узбекской группе. Мы относились друг к другу хорошо и поэтому разговаривали без оглядки на национальности. Мой однокурсник с жаром рассказывал, что пришло время создать собственное, свободное от идеологии коммунизма, справедливое исламское государство. На мое замечание, о том, что не

все захотят создавать такое государство и, в первую очередь – власти, однокурсник никак не смутился:

- *Мы будем добиваться своего любыми методами. Сначала убеждением, затем, если это не поможет – силой.*
- *Но тогда возникнут беспорядки. Москва не смирится с таким новым Узбекистаном. Сюда просто введут войска.*
- *Ну, так что же? Возьмем в руки кетмени и будем защищать свою независимость.*
- *Но войска-то будут не с кетменями, а с автоматами, вряд ли вы против автоматов что-то сделаете.*
- *Вот увидишь, народ поймет нас и поднимется вместе с нами. Войска не будут стрелять в народ.*

Боже, как я тогда был прав. Несколько позже, в 1992 году студенчество в Ташкенте “поднялось”. Поднялось против ужасающих условий жизни, против постоянного повышения цен на продукты питания, против всей той чехарды, которая преподносилась, как становление независимости, а на деле была результатом убогой политики власти, которая вела в тупик. Народ не поддержал свою молодежь, потому что не знал о событиях в ташкентском ВУЗ-городке, а когда узнал – было уже поздно. Власть укрепились и без сожаления расстреляла безоружных демонстрантов. С этого началась новая эпоха в Узбекистане.

...Я работал тогда корреспондентом в многотиражной газете производственного объединения “Ташсельмаш”. Наше предприятие выпускало хлопкоуборочную технику, а именно, хлопкоуборочные комбайны. Да-да, те самые “голубые корабли среди белых хлопковых полей”, которые тиражировались на глянцевах плакатах и были

своеобразной визитной карточкой страны. Тогда, в 1989 - 1990 годах эйфория перестройки уже сходила на нет. В стране появились первые карточки, так называемые “купоны”, о которых население, в отличие от жителей многих российских городов, до этого и не знало. Появился дефицит в таких масштабах, которые не могли присниться и в самых страшных снах. Спасала система еще советского распределения продуктов первой необходимости. На семью выделялось гарантированно некоторое количество хлопкового масла, несколько пар калош, рис, мука, отрез ткани и т.д. Люди начали выкручиваться. Для многодетных узбекских семей установленные нормы были слишком малы. Русскоязычные семьи, которые не потребляли в больших количествах хлопковое масло и не признавали резиновых калош, обменивали все это у своих узбекских соседей, знакомых и друзей на то, что было необходимо им. Никто никак не понимал, куда делись товары, прежде годами лежавшие в магазинах невостребованными. Народ скупал все. Тогда же появились сертификаты российских предприятий, которые приобрели очень широкое хождение. Сертификаты гарантировали, что владелец сертификата через определенное время (год, три, пять лет) сможет обменять эту бумажку на продукцию завода. Суть была в следующем. Инфляция уже тогда была большой, и никаких перспектив в ее обуздании видно не было. В этих условиях, например, автозавод “Москвич” выпускал ценную бумагу, которая реализовывалась по фиксированной цене одной из последних моделей легкового автомобиля, выпускаемого заводом. Владелец сертификата гарантировалось, что вне зависимости от уровня инфляции он получит свою легковушку без доплаты в обмен на сертификат. Хорошо, что мои родители не имели тогда денег на “Москвич”. Они купили сертификаты на стиральную и швейную машины, на новый цветной телевизор. Разумеется, ни через год, ни через пять, ни через десять лет

они так и не обменяли свои сертификаты, которые до сих пор так и лежат среди других бумаг у моей матери.

Производство же на нашем предприятии в это время остановилось почти полностью. К узбекскому рынку стали активно проявлять интерес эмиссары американских конкурентов из “Джон Дир”. В это время “Ташсельмаш” лишился всех своих зарубежных покупателей. В итоге завод, имеющий большие ресурсы, остался не у дел, как и большинство предприятий страны. Своеобразную “конверсию” провели радикально. Руководство завода решило сделать упор на товары широкого потребления и приказало выпускать утюги. Я держал эти утюги в руках. Красивое дизайнерское решение, прекрасная сталь, но ... они нагревались на бытовом газе! Помните старые бабушкины утюги, которые клали на раскаленные угли? То же самое и собрался производить “Ташсельмаш”...

...В Москве был путч. Теплым летним вечером я возвращался домой... Отец ни к кому конкретно не обращаясь, произнес: “Ну, вот и все. Все вернулось. Теперь будем жить, как прежде”. Без уточнения я понял, что он говорит о московском путче...

Мои родители не знали, что в этот же день мы с друзьями-сокурсниками обсуждали идею выпуска газеты на основе тех мощностей, которые были в наличии на “Ташсельмаше”. Я приложил много усилий, чтобы отговорить коллег от этой затеи. Только из-за того, что я знал, что КГБ имеет у себя оттиски всех типографий страны и “заметут” нас через несколько часов после выхода нашей газеты или нашего “листка”. Мы это отложили на будущее. Но время шло дальше. И в наступившем будущем Узбекистан так и не стал “великой” страной, какой мог быть по праву. И в этом не наша вина.

Украина

Андрей Курков – писатель, киносценарист,
журналист. Пишет для “*Guardian*”,
“*New Statesman*”, “*Tagesspiegel*” и др.

Украина людей. Украина зверей.

Весной 1991 года мне исполнилось 30 лет и вскоре после моего дня рождения в киевском издательстве “Советский писатель” вышла моя первая книга “Не приведи меня в Кенгаракс”. Темой трех повестей, вошедших в эту книгу, была попытка разобраться в советской истории. Мне хотелось рассортировать историю на положительные и отрицательные моменты, на правду и вымысел, но, прежде всего, поднять вопрос секретности и недоступности реальной истории. Через три месяца после выхода моей первой книги страна СССР исчезла, издательство переименовали в “Украинский писатель”, а советская история перестала интересовать даже любознательных.

И действительно, новейшая история независимой Украины оказалась намного интереснее и неожиданнее, чем кто-либо из историков мог бы подумать. И история эта писалась и пишется перед нашими глазами, с нашим участием и иногда даже под нашим контролем.

Независимость на Украину пришла из Москвы – именно там оборвались ниточки, которыми кремлевские кукловоды руководили первыми секретарями компартий братских республик. Ниточки оборвались благодаря глубокому экономическому кризису, опровергшему живучесть идей марксизма-ленинизма. Революции не было. Она была не нужна. За ружье ради независимости никто в 1991 году не брался.

От объявленной независимости в пустых магазинах Украины товара не прибавилось, но возникло ощущение массовой радости и воодушевления. И одновременно с этим я заметил на улицах Киева огромное количество бродячих породистых собак.

Раньше по улицам бегали только беспородные дворняжки, а тут и похудевшие бульдоги, и немецкие овчарки появились. Чуть позже я понял, предвестием чему являлись эти породистые собаки, утратившие свои теплые дома. Происходила смена элит, и многие бывшие партийные

номенклатурщики, не успевшие быстро перестроиться и найти себе нишу в постсоветской Украине, были больше не в состоянии содержать и кормить “элитных” собак. Некоторые предприимчивые алкоголики отлавливали породистых собак и везли их на Куреневку на Птичий рынок, где продавали их по дешевке представителям новой, нарождающейся полукриминальной “элиты”.

Время в начале девяностых было жестоким и динамичным. Советские законы не действовали, украинских еще не было, а за исполнением только что принятых законов никто не следил. Хитрые, деловые и вороватые быстро находили способы обогатиться. Самый легкий способ разбогатеть в то время требовал определенных связей в банках. Инфляция была гигантской. Если знакомые работали в каком-нибудь банке – можно было взять в банке кредит, тут же купить на местную псевдовалюту доллары, подождать пару недель, потом продать часть домаров и вернуть старый кредит и тут же взять новый. Суммы кредитов не индексировались, инфляция на них не влияла.

А тем временем самые шустрые поняли, что нет ничего лучше, чем депутатская неприкосновенность. И пошли в парламент. В украинском парламенте до сих пор сидят некоторые “герои” начала и середины девяностых, которые укрепляли свое благополучие другими банковскими операциями. Они брали крупный кредит под залог покупаемого дома, дом перестраивали или чуть изменяли, а кредит просто не возвращали. Когда выяснялось, что дом не соответствует проекту и документации, которая находится под залогом в банке, а сам хозяин – “неприкосновенный” депутат, дело о кредите закрывалось. Банк забывал о деньгах, а депутат о том, что он когда-то брал кредит. Один банкир мне сказал однажды, что заранее знал о том, что клиент не вернет кредит, но побоялся отказать ему в кредите, чтобы тот не стал мешать банку работать, используя свои парламентские и правительственные связи.

В 1993 году мой знакомый, армейский офицер Володя П., отказался продолжать военную службу и решил заняться бизнесом. Он импортировал из Латвии краски и продавал их в Киеве. Мелкий и средний бизнес в то время больше напоминал “русскую рулетку”. Каждый бизнес находился под “крышей” той или другой группы рэкетиоров, которые исполняли и функции налоговых органов, и судебных исполнителей, и судей одновременно. За 10% от дохода они решали вопросы, связанные с нарушением контрактов, но при этом они всегда следили, чтобы им платили “честно”, чтобы хозяин бизнеса не приуменьшал свои доходы. Те времена можно смело назвать временами “тройной бухгалтерии”. У многих моих знакомых бизнесменов имелось по три тетради с цифрами доходов – одна для рэкета, вторая, в которой чаще констатировался убыток, чем доход, для налоговой инспекции, и третья – для себя. Третью надо было хранить особенно бережно. Если она попадала в руки к рэкетирам, и они узнавали, что бизнесмен их обманывал, это грозило последнему смертью. Кстати и моего знакомого, бывшего военного офицера Володю П., убили рэкетеры, решившие, что он их обманывает. Дело было в 1994 году.

Сейчас, когда на улицах Киева больше нет породистых бродячих собак, ситуация совершенно другая, не похожая на конец прошлого века. Породистые собаки теперь живут у представителей новой элиты. У этих представителей не принято спрашивать о том, что они делали в начале девяностых. Вместо собак на улицах столицы можно часто увидеть бездомных людей. Как ни странно, но именно этим всегда отличались две системы – социалистическая и капиталистическая. При социализме закон запрещал быть безработным, и именно за это в Ленинграде 40 лет назад судили будущего Нобелевского лауреата Иосифа Бродского. Другим законом было запрещено бродяжничество – то есть было запрещено быть бездомным. В далеком Нью-Йорке и более близком Париже бездомные и безработные – неотъемлемая часть современного общества. Для того,

чтобы кто-то победил (в спорте, в экономике, везде), надо, чтобы кто-то проиграл. Социально проигравших на Украине сегодня возможно больше, чем в других странах. Это не только бездомные и безработные, это скорее – пенсионеры и малообеспеченные. Но страна, превышающая территорией Францию и Германию, не может не быть привлекательной для Западной Европы. И в качестве производственных площадей, и в качестве рынка с 47 миллионами потребителей. Пока население посмеивается над политиками или же болеет за них, как за любимую футбольную команду, экономика Украины развивается стабильно и становится все более привлекательной для зарубежных инвесторов. Польские инвесторы осваивают лесную промышленность Карпат и Западной Украины, австрийские вкладывают капиталы в тяжелую индустрию Донбасса и Луганской области, турецкие и российские борются за рынок мобильной связи. Никогда прежде я не смог бы поверить, что цены на некоторые продукты в Киеве сравниваются с ценами в Берлине, а то и перешагивают их, что за бензин я буду платить больше, чем американский водитель и почти столько же, сколько он стоит в Германии. Правда, меня это уже не удивляет. Украинцы очень легко адаптируются к новым условиям, и при этом не очень-то жалуются на жизнь. Если они считают, что государство их обманывает, то они найдут способ в отместку обмануть государство. Да и многие бизнесмены живут теперь по закону “двойной бухгалтерии”. Рэкет давно отошел в прошлое, точнее, его функцию взяли на себя многие коррумпированные государственные чиновники, выдающие лицензии, разрешения и прочие бумаги для ведения бизнеса. Поэтому и бизнесмены часто считают, что взятка чиновнику должна вычитаться из их доходов, как часть налога. Вот и не доплачивают свои налоги, показывая инспекторам первую тетрадь, с уменьшенными цифрами, и пряча под подушку вторую, чтобы не забывать, как на самом деле у них в бизнесе

идут дела. На самом деле сейчас существует немало возможностей честно вести мелкий и средний бизнес, так что и у бизнесменов всегда есть выбор: спать спокойно и зарабатывать меньше, или плохо спать, раздавать взятки, не доплачивать налоги и зарабатывать больше. Или – рваться в крупный бизнес, стать активным членом одной из экономических партий (по-настоящему политических партий у нас пока нет), пройти по списку этой партии в парламент и пробираться всеми возможными путями к власти и к бюджетным деньгам – но тогда времени для сна совсем не останется, ни для спокойного, ни для наполненного кошмарами.

А вот попугаи на киевском Птичьем рынке опять подорожали. И маленькие волнистые, и австралийские длиннохвостые. Украинцы очень любят животных. Крестьяне любят своих свинок и коров, а горожане – всякую домашнюю живность: котов, собак, рыбок и попугаев. На днях, кстати, в одной воинской части Киева обнаружили двух уссурийских тигров, живших там в специально сваренной из железной арматуры клетке. Теперь на всю страну скандал – тигры-то в Красную книгу занесены, все до последнего экземпляра пересчитаны, а тут два неучтенных, да еще и у военных! А чем их кормили и за чей счет? Они ведь без десяти килограммов свежего мяса на день могут и железо клетки перегрызть! Или, может, они ели мясо, предназначенное для солдат? Загадочная страна Украина. Даже для тех, кто в ней живет и все, вроде бы, понимает. И люди здесь живут толерантные и радушные, умные и трудолюбивые, хотя во власть пытаются пройти совсем другие, можно сказать – нетипичные украинцы. Но за последние годы даже представители власти немного улучшились, стали больше бояться собственного народа. А это хорошо. Даже во времена царской Российской Империи все хорошее тут делалось от страха, а не из чувства служебного долга и ответственности за будущее государства.

Кстати, о будущем. Несмотря на постоянные дискуссии в прессе о возможности или невозможности членства Украины в единой Европе и в НАТО, народ в этих дискуссиях не участвует. Больше половины украинцев и так себя считают европейцами, немалое количество пенсионеров до сих пор боится НАТО, как боялся этого блока еще Советский Союз. А политики – они по украинской сельскохозяйственной традиции считают, что любое политическое решение – оно как овощ. Если достаточно ждать – само созреет.

Да и простые украинцы издавна научились ждать. И только в последние лет десять более молодое поколение сообразило: чем больше работаешь, тем меньше надо ждать своего собственного светлого будущего. Это и есть путь Украины к успеху. Земля, славившаяся когда-то трудолюбивыми фермерами-одиночками, вполне может вернуть себе эту славу, если ее политики и госслужащие будут сознательно поддерживать мелкий и средний бизнес и вести разумную налоговую политику.

А сегодня с утра мне дети опять напомнили о том, что я обещал им купить попугая. Наверно, действительно пора. Уссурийского тигра мне не прокормить, да и держать негде, а вот содержать волнистого попугайчика для нас не проблема. С попугаем веселее и жить, и новости по телевизору смотреть. Попугая можно научить произносить такие слова, как “Хочу в НАТО. Давай в Европу”. И все будет славненько. И дома, и в стране.

Хорватия

Симо Мраович – писатель, киносценарист,
эссеист, член Шведского Пэн-клуба и
Хорватского общества писателей.

В хорватской Калифорнии

За несколько лет до больших перемен граждане, которые жили в довольно большой стране, называемой Социалистическая Федеративная Республика Югославия, все тяжелее переносили определенность и предсказуемость, которые должны были сопровождать их от колыбели до гроба. Работали на одном месте до пенсии, летом ехали на море в дома отдыха для рабочих, зимой через профсоюз покупали половинку свиной туши, медицинское обеспечение не подлежало сомнению, зарплаты были маленькими, зато кредиты дешевыми и, как правило, в конце концов, их съедала инфляция.

Особенно тяжело граждане переносили застоявшееся политическое болото, которое их оберегало от остального мира. Поскольку то государство было еще и федеративным, граждане с непереносимой легкостью презирали как две капли воды похожий образ влачения жизни в соседних федеративных единицах. Они начали друг друга ненавидеть и винить за свою никакую, никчемную судьбу. Все мечтали о своей союзной республике как о независимом капиталистическом государстве. Существовала большая вероятность, что в новых условиях вы станете послом, министром, замминистра или хотя бы государственным служащим. Заманчивым казалось и основать какую-нибудь оригинальную партию, занять место в парламенте. А почему бы и нет? Ведь тогда можно всех разгромить на демократических выборах и стать президентом. Во всяком случае, граждане были сыты по горло социализмом, их тошнило от одной мысли о возвращении к старому.

К примеру: одной из самых гротескных ситуаций было, когда какой-нибудь писатель публиковал детективный роман об ограблении банка, при этом более никчемным, чем это произведение искусства, мог быть только детективный фильм, снятый по этому же роману. В реальной ситуации попросту невозможно было себе представить, чтобы кто-либо ограбил банк или почту. Грабить – это была изысканная привилегия тех, кто находился у

власти. Наивысшим доступным достижением “социалистического” грабежа было взломать киоск и стырить сигареты, жевательную резинку и туалетную бумагу. Ах да, грабили еще и дачи. Но это было дело без риска. Попросту заберешься посреди ночи, наешься, напьешься, выпишься, а утром унесешь домой то, что тебе приглянулось. Это даже и не считалось настоящим ограблением, а так, чем-то вроде взрослой шалости! Что касается обычных граждан, они с восхищением смотрели возбуждающие западные фильмы, в которых потоками лилась кровь, пот и сперма, а на улицах пульсировала настоящая жизнь и никакого тебе застоявшегося болота. На асфальте процветал живописный криминал во всех своих проявлениях: от классического разбоя, убийств, проституции, перепродажи наркотиков, контрабанды, до шантажа, похищений, подрывов, вплоть до настоящей маленькой семейной резни и межклановой войны.

— Вот настоящая жизнь, а не эта симуляция, в которой человеку скучно до смерти, – часто вздыхали как интеллигенты, так и разные полуграмотные граждане.

И вот наконец-то настали долгожданные дни, когда коммунистическое царство вместе с коммунистическими колониями начало заваливаться внутрь самого себя. Народ, наконец, мог трепетать от счастья, очутившись перед воротами свободы и перед реальной неизвестностью и искушениями, которыми так богат капиталистический строй.

Моя Хорватия в то время, если бы она числилась независимой, была бы самой богатой страной бывшего социалистического мира, чем-то наподобие Калифорнии в Соединенных Штатах Америки – чего стоит лишь одно огромное и прекрасное морское побережье? Да и у каждого второго гражданина уже был готов рецепт, как в короткое время основать фирму и стать успешным капиталистом, который будет заниматься ничем иным,

как только контролировать свой бизнес и ежедневно снимать с него сливки финансовых доходов.

“Четвертая власть” гудела во весь рот и через все средства массовой информации о том, что всех нас вместе сделает богатыми уже то, что мы как развитая республика больше не будем вынуждены отрывать от своего рта значительные финансовые средства, чтобы помогать отсталым областям в других республиках. А особенно будоражило то, что республика, в которой разместились столица нелюбимой федерации, утратит всякую возможность каждый год забирать у нас половину доходов от туризма, еще одной отрасли, за счет которой, если бы эти бабки распределялись между гражданами, все мы могли бы жить и при этом ничего не делать.

Так как к этому морю привыкли и другие государства как к своему, да и что это за держава без моря и флота, отделение от матушки-Югославии сопровождалось рядом войн большего или меньшего масштаба. В конце концов, после изоляции и нападения НАТО война дорого стоила и Сербии. Высокую цену за самоопределение заплатили Босния с Герцеговиной и моя Хорватия. В четырехлетней войне пострадало и хорватское большинство, завоевавшее победу с помощью Америки, и взбунтовавшееся сербское меньшинство, для которого Хорватия была единственной родиной и против которого та же Хорватия разжигала национальную и религиозную ненависть. Одновременно это же меньшинство вооружала и подстрекала к борьбе его историческая родина – Сербия. Эти два тайных союзника, Хорватия и Сербия, виновны во многих междоусобных массовых убийствах и резне, задачей которых было с помощью ненависти мобилизовать своих граждан на войну. В сговоре они проводят раздел Боснии и Герцеговины, государства, которое находится между ними. В этом, к счастью, им помешал навязанный международным сообществом мир, но хаос в Боснии и Герцеговине они оставили надолго.

После войны исчезло чудесное хорватское самоощущение, будто бы мы – Калифорния, самый желанный уголок красного мира, исчез повод для чванства. Пока на фронте погибали солдаты и мирные жители, нувориши за бесценок приватизировали все, что имело ценность. Нувориши Хорватии и Сербии даже очень выгодно торговали между собой, несмотря на то, что принадлежали к воюющим сторонам. Наконец расцвела долгожданная преступность. Американские детективы стали казаться сказочками. Каждый день в газетах и по телевидению сообщалось об убийствах, разборках, ограблениях, мошенничестве, проституции и наркотиках. О социальной защите вздыхали, только если кто-нибудь вспоминал времена, когда мы жили в сером неподвижном болоте. Послевоенную депрессию было почти невозможно пережить. Через тринадцать лет после войны звучит как чудо, что в Хорватии опять живется хорошо. Все это больше похоже на счастливый и случайный выигрыш в лотерее, только ведь у каждого остался свой шрам на сердце. И у преступности снова подрезаны крылья. Воздух чист. Но мало кто стал капиталистом, который только контролирует свой бизнес и ежедневно снимает с него финансовые сливки. Мы, если честно, довольно много тратим, но благодаря недостатку, а не излишку. Появился пресловутый и всемогущий институт – минус на банковском счету. А без минуса – жизни нет. Надеемся, что когда вступим в Европейский союз, допустимый долг по кредитной карте будет по крайней мере вдвое или, даст Бог, втрое большим.

Для этого мы меняем законы и подгоняем нормы к Европейскому союзу. Потому что, дорогие граждане, однажды, когда вы войдете в дозволенный европейский минус, у вас появится ощущение, что вы наконец-то получили то, что вам полагается. И чтобы достичь этого, вы сделали все от вас зависящее, а поэтому вас охватит чувство, что вы имеете полное право в мире и счастье кайфовать от так тяжело добытого жирного минуса на своем банковском счету.

Составитель

Андрей Курков

Подготовка к изданию

Ричард Бейт

Ханна Гүдмэн

Джейн Росс

Хелен Уоррен

Ларри Шервин

ΦΟΤΟ

Кейко Канда   обложка, стр. 10, 19, 42, 55

Дэвид Купер стр. 70

Давид Мартинес Хорнильос стр. 29

Пол Шапиро стр. 86

Оформление

“Alan Bates Design”

Переводы

«Романс “Сомнение”» перевел с болгарского Сергей Бару.

“Сумасшедшее время в необъяснимой стране” перевел с сербского Юрий Лысенко.

“В хорватской Калифорнии” перевел с хорватского Юрий Лысенко.

© Европейский банк реконструкции и развития
One Exchange Square, London EC2A 2JN

Отпечатано в Великобритании в типографии CPG. При изготовлении тиража данного издания использовались материалы, имеющие сертификат FSC, и краска на растительной основе. Компания CPG заботится о сохранении окружающей среды и работает с экологическими сознательными поставщиками. Отпечатано на бумаге "Zen Pure White", произведенной в Великобритании компанией "GF Smith" из сырья, имеющего сертификат FSC, и с компенсацией воздействия на окружающую среду. Целлюлозно-бумажное производство сертифицировано по стандарту ISO14001.

7216 – “Истории надежд от первого лица” (R)

Книга распространяется издательским отделом ЕБРР.

Тел.: +44 207 338 7553; факс: +44 207 338 6102; эл. почта: pubsdesk@ebrd.com

**Европейский банк
реконструкции и развития**

